

slav

05-165

КАМЧАДАЛКА.

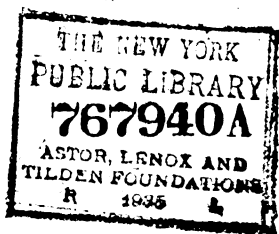
Соч. И. Калашникова.

ЧАСТЬ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО
КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
С. Петербургъ, 8 Февраля 1853 года.

Ценсоръ П. Гасвскій.

КАМЧАДАЛКА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

XXIII.

П О В А Я Ч И Е.

Мичманъ и Ивашкинъ были заключены въ одной пюррьмъ: это была обширная, грязная и темная изба, съ однимъ окошкомъ, загороженнымъ железною рѣшеткою. Мичманъ былъ прикрѣпленъ къ стѣнѣ полстою

Часть IV.

1

Publ. 21 Jan. 1935

цѣпью; Ивашкинъ сидѣлъ на свободѣ. Но не по степени взводимыхъ на нихъ преступленій было расположено ихъ заключеніе: злой соперникъ Мичмана, не надѣясь погубить его по суду, послѣ полученія повелѣнія: оставивъ дѣло объ убійствѣ Тенявы до пріѣзда Ревизора, рѣшился уморить его въ шюрмѣ, и всячески спараясь увеличить его спраданія, помилъ его голодомъ и жаждою. Ни молодость, ни крѣпость силъ, не спасли бы его отъ смерти, если бы добрый Ивашкинъ не былъ на сей разъ его Ангеломъ-хранителемъ, и не облегчалъ его и душевныхъ и плѣсныхъ скорбей. Пользуясь любовію и уваженіемъ многихъ изъ караульныхъ козаковъ, Ивашкинъ дѣлилъ съ

нимъ свой скудный обѣдъ, и голо-
сомъ опышнаго, мудраго старца
упвѣрждалъ ослабѣвавшаго юношу въ
необходимости крестной жизни, въ
упованіи на неукоснительную по-
мощь Божію, и въ преданіи себя на
Его свѣпую волю.

»Эхъ, Викторъ Ивановичъ!—гово-
рилъ онъ Мичману—для того мы и
созданы на сей свѣпъ, чпобы здѣш-
нимъ спраданіемъ искупить будущее
блаженство! Кому хорошо здѣсь, по-
му будетъ худо тамъ: ибо въ счас-
тіи люди большею частію развра-
щаются и забываютъ Бога. Помоги-
те на меня: меня люди не только
погубили, но и положили на мое ли-
це клеймо безчестія, которое на-
всегда разлучило меня съ самымъ

драгоцѣннѣйшимъ для человѣка на землѣ—съ родиною, а за что? Богъ судишь моимъ гонителямъ! Но никогда мой языкъ не произнесъ имъ спрашнаго слова: проклятіе; никогда я не допускалъ богохульнаго ропота на свой жребій, и всегда благословлялъ и благословляю доднесь Святую десницу, меня карающую (*)! И какое право имѣеть одинъ человѣкъ роптать, когда милліоны спраждущь? Если бы можно было прислушаться къ гулу, раздающемуся на землѣ, и обхвативъ однимъ взоромъ весь родъ человѣческій . . . О! чинобы мы услышали и увидѣли! . . . Всеобщій вопль и стенанія оглушили бы насъ, и спрашное зрѣлище

(*) Ивашкинъ былъ сосланъ невинно. Смолр: Путешествіе Крузенштерна.

слезъ и крови поразило, раздробило бы на части наше сердце!»

—И все это благо и все добро!— сказала Мичманъ съ усмѣшкою ужаснѣйшаго отчаянiя.

»Такъ, все это благо и все добро? ибо жизнь наша не здѣсь, а шамь!»

— Гдѣ жъ это *тамь*?

»Этого не дано знать человѣку, потому что не нужно: здѣсь намъ дана Вѣра и Надежда.»

—Надежда! . . . Ха, ха, ха! Мечта, которою обольщаютъ себя бѣдняки!

»Но если и обманываютъ насъ иногда надежда земная: то небесная

никогда! . . . Викпоръ Ивановичъ! —
воскликнулъ Ивашкинъ въ какомъ-
то священномъ воспоргѣ, схвативъ
Мичмана за руку — мужайтесь ду-
хомъ: здѣсь нѣтъ счастья, но тамъ
. . . тамъ оно есть: это гово-
ришь мнѣ мое сердце!»

— Но мое сердце мнѣ не говоритъ
ничего: оно умерло для всякаго сча-
стия, для всякой надежды

»Не гнѣвите Бога, Викпоръ Ива-
новичъ, не предавайтесь отчая-
нію!»

— Да! я послушался бы васъ, если
бы вы могли измѣрить бездну моего
несчастія. Вы оклеветаны, согнаны
съ блестящей дороги, колпорая васъ
вела къ чести и значности; изгна-

ны, обезчещены, започены: конечно, это страшное злополучіе; но вы не испытали измѣны, ужасной измѣны сердца, которое бы вы почипали свящилищемъ, недоступнымъ ни какому пороку; измѣны того человѣка, котораго бы любили болѣе самаго себя, котораго бы вы считали Небеснымъ Духомъ, и который бы спалъ . . . О Боже! . . . Я видѣлъ прекрасное существо, которое, можешь быть, готово было наименовать меня своимъ сыномъ, и эта злополучная . . . О! для чего ты, Небо, сохраняешь еще мое пагубное бытіе? . . . Возьми его! Возьмише у меня жизнь!

Несчастный упалъ ницъ на скамью, и зарыдалъ горько.

»Викторъ Ивановичъ! — сказалъ
Ивашкинъ съ важнымъ видомъ—вы
богохульствуете?»

—Что это значить?

»Вы проклинаете жизнь, и слѣдова-
тельно оскорбляете Творца, вамъ ее
давшего! Вы не видите Его путей, и
дерзаете мыслить, что они не правы!
Малодушный! я испыталъ не менѣе
твоего: и я любилъ нѣкогда, и я по-
лучалъ клеветы въ вѣрности; скажу
еще болѣе: я имѣлъ друга, горячо лю-
бимаго мною друга, для котораго не
жалѣлъ ни самой жизни моей—и что
же? Этотъ-то другъ и погубилъ ме-
ня, и, невѣрная! ошдала ему свою
руку . . . «

—А вы?

»А я благословляю Провидѣніе, и несу безропотно ношу скорбей, чтобы успокоиться въ могилѣ!«

Мичманъ взглянулъ на своего собесѣдника съ чувствомъ невольнаго уваженія. »Великій человѣкъ! — подумалъ онъ — и шы въ рубищѣ и униженіи!«

Разговоръ прекратился на нѣсколь-ко времени. Оба разговаривавшіе, сильно взволнованные мыслями, погрузились въ думу; но потомъ Мичманъ, примѣрно успокоившійся, сказалъ:

»Конечно, Аркадій Пестровичъ, когда

несчастіе прошло, тогда можно уже покоряться судьбѣ, но бѣдствіе настоящее»

—А развѣ вы находите настоящее положеніе мое счастливымъ? Развѣ я не въ ссылкѣ, не въ шюрмѣ, не въ нищепѣ, не обезчещенъ, не опозоренъ? И развѣ я—произнесъ Ивашкинъ дрожащимъ голосомъ, залившись слезами—развѣ я не лишился послѣдняго челоуѣка, любившаго меня на сей землѣ?

»И за всѣмъ шѣмъ? . . .»

— И за всѣмъ шѣмъ благодарю Создателя моего, и не ропщу на свой жребій: здѣшняя жизнь—мгновеніе, а памошняя — вѣчность!

»Боже Всемогущій! — воскликнулъ Мичманъ—опть чего я не имѣю этой удивительной преданности Твоей воли?»

— Молись Ему, Викторъ Ивановичъ, молись: это бездна благости и милосердія; это отецъ, который и въ тѣ ужасныя минуты, когда все бѣжитъ опть несчастнаго, простиралъ къ нему оправдую руку, и проливаетъ утѣшеніе въ его разтерзанное сердце. Молись ему, юноша, молись, и я спаву также молился за тебя!

Ивашкинъ, со слезами на глазахъ, произнесъ самую пламенную молитву, вылетѣвшую изъ глубины его сердца. Мичманъ былъ пораженъ

этимъ зрѣлищемъ. Душа его умилилась, и въ первый разъ, по приключеніи съ нимъ несчастія, слезы полились изъ его глазъ.

»Благодарю тебя, добродѣтельный человекъ—сказалъ онъ, сжимая руку Ивашкина — благодарю: ты облегчилъ мою гореснь, и пролилъ какой-то цѣлебный бальзамъ въ мое сердце; мнѣ стало теперь гораздо легче.«

— Благодарите того, Викторъ Ивановичъ, ошъ котораго вѣчно истекаетъ благоснь и щедроба. Непреставайте прибѣгать къ нему въ часъ скорби и отчаянїя — и вы всегда получите скорую помощь

»Да! когда уже не осталось ничего на землѣ«

— Но для чего вамъ такъ думашь? Я, конечно, жизнь свою уже прожилъ; но ваша едва начинается . . .

»И скоро кончится!«

— Но она не должна кончиться. Вы обязаны сберечь ее, если не для себя, такъ для Отечества.

»Эпо не въ моей власпи, и притомъ: что такое Отечество?«

— Священная страна, приютъ въ дни дѣтства и успокоеніе въ старости!

»Пусть будешь такъ; но эпа цѣпь слишкомъ хорошо связала меня и для себя и для Отечества!»

— Викторъ Ивановичъ! вы видите: мнѣ предана наша спража. Эти добрые люди сами не могутъ смотрѣть равнодушно на ваши спраданія. Скажите слово — и вы свободны!

»Какъ? Вы предлагаете мнѣ бѣжать? Мнѣ бѣжать! Куда и за чѣмъ?»

— За дѣмъ

»Замолчи, старый грѣшникъ! — вскричала вбѣжавшая въ шкурьму Цыганка. Мичманъ вздрогнулъ и опворонился къ стѣнѣ, но Ивашкинъ

сохранилъ свое непоколебимое спокойствіе.—»Я все подслушала!— продолжала она. — Лукавая лисица! Ты не обманешь меня?»

— Тебя?

»Я всё знаю твои умыслы, и прежде, чѣмъ ты сманишь моего безпущнаго сына . . .«

— Боже Великій! — воскликнулъ Мичманъ голосомъ величайшей горести.

»А я пакъ скажу тебѣ, — прервалъ равнодушно Ивашкинъ — чпо разможду тебѣ голову прежде, чѣмъ ты назовешь его въ другой разъ своимъ сыномъ!«

— Какъ?

»Да говори скорѣе: за тѣмъ ты пришла, и не заражай«

— Аркадій Петровичъ! — произнесъ Мичманъ умоляющимъ голосомъ — оставь ее: можетъ быть она въ самомъ дѣлѣ мать моя!

»Можетъ быть! — повпорила Цыганка укоризненнымъ голосомъ! — можетъ быть! Такъ знай же, безумецъ, что пошъ, кому ты писалъ вчера, спрашивая: отецъ ли онъ твой? послалъ меня сказать тебѣ, что одни изверги ищутъ своихъ родителей только въ пѣхъ, кто богатъ и въ чести, и презираютъ пѣхъ, которые въ нищестѣ и униженіи«

— И шакъ, все совершилось! — произнесъ съ отчаяніемъ Мичманъ, схлопнувъ руками и поникнувъ головою на грудь. — Я погибъ!

»Неблагодарный, отступникъ, извергъ!—завопила Цыганка — я дала тебѣ жизнь, воспитала, пожертвовала для тебя всѣмъ, самою любовію матери, а ты? Ты подыскался подо мною, обезчестилъ меня, погубилъ, и теперь еще не хочешь признашь меня своею матерію! Да будешь же проклять часъ, въ который ты родился на свѣшъ! Да будешь.....«

— О пощади! — возопилъ Мичманъ, повалившись на скамью.

»Если ты точно мать его— ска-

заль строга Ивашкинъ, — шо шы
должна сжалишься надъ нимъ!»

— Нѣтъ, нѣтъ для него жалости:
она умерла давно въ моемъ сердцѣ!
Проклинаю его спокрашно, прокли-
наю. . . .

»Милосердый Боже!» — тихо про-
споналъ Мичманъ.

— Такъ, замолчи же, злодѣйка! —
вскричалъ Ивашкинъ, схвативъ Цы-
ганку за грудь, бросивъ ее на полъ, и
зажавъ ей ротъ. — Я вижу, что шы
не машь его, а фурія!

»Пощадите ее, пощадите!» — гово-
рилъ Мичманъ едва слышнымъ голо-
сомъ.

Въ это мгновение Цыганка, обладавшая неженскою силою, рванулась съ необыкновеннымъ усилиемъ, сбросила съ себя Ивашкина, и съ крикомъ: »жарауль! разбой! душапъ!« кинулась въ двери; но едва она успѣла занести ногу черезъ порогъ, какъ грозное спрашилище схватило ее за горло: это былъ полунагой, полуживой, съ блѣднымъ изсохшимъ лицомъ и выпавившимися глазами мершвецъ. Трудно было узнать въ немъ Фельдшера.

»Спой! — завопилъ онъ охриплымъ, болѣзненнымъ, но пронзительнымъ голосомъ. — Спой! Въ эту минуточку ты мнѣ всего нужнѣе.« Съ напряженіемъ всѣхъ силъ онъ вдернулъ ее въ шюрму, и не давъ опомнишься

ей отъ изумленія, повергнуль ее на полъ, и спавъ коленною на грудь, произнесъ съ страшнымъ воплемъ: »Кайся! Кайся въ своихъ злодѣйствахъ!«

Мичманъ не могъ объяснить себѣ, что такое совершалось предъ его глазами: сонъ или существенное явленіе, и по глядѣлъ на сіе, по снова закрывалъ глаза, какъ бы желая повѣрить свое сомнѣніе. Иващкинъ также смотрѣлъ съ изумленіемъ; равнымъ образомъ и козакъ, какъ караулившіе пюръму, такъ и прибѣжавшіе вѣлѣдъ за Фельдшеромъ, бывъ поражены симъ зрѣлищемъ, спояли въ безмолвіи. »Кайся! — кричалъ мершвецъ. — Викпоръ Ивановичъ! мы съ этою злодѣйкою, а не невѣс-

ша твоя, виновны въ смерти Начальницы; мы умершвили ее, и оклеветали невинную . . .»

— Боже мой! что я слышу? — говорилъ шепотомъ Мичманъ, все еще не довѣряя самъ себѣ.

»Мы сговорились съ Начальникомъ на это злодѣяніе; мы, а не невинная твоя, украли доносъ твой; мы всему злу причиною; мы погубили васъ, мы злодѣи, убійцы!»

Больной не могъ болѣе говорить, ослабѣлъ, и упавъ на полъ, покатился въ ужасныхъ конвульсіяхъ.

— Скажите мнѣ, ради Бога скажите мнѣ, Аркадій Петровичъ — гово-

рилъ Мичманъ умоляющимъ голо-
сомъ — что это такое? Мечта, сонъ,
видѣніе моей разспроенной души?

»Нѣтъ, Викторъ Ивановичъ, это
не сонъ, но здѣсь рука Промысла: вы
видите, злодѣй невольно каешся въ
погубленіи васъ.»

И такъ я обманушь, жестоко
обманушь!

»Мы тебя обманули! — вопіялъ ва-
лвшійся на полу въ смертныхъ
спраданіяхъ Фельдшеръ. — Я твой гу-
битель! Я тебя обнёсъ, оклеветалъ
неповиннаго въ убійствѣ, а самъ
сдѣлался настоящимъ убійцею! Ахъ!
зарѣжь меня, приколи, расперзай

меня скорѣе Нѣтъ болѣе силъ
перѣшь этихъ адскихъ мученій!»

— Мерзавецъ! — вскричала съ величайшею злобою и изсипуленіемъ Цыганка, отдохнувшая между тѣмъ отъ боли, причиненной Фельдшеромъ, и кинувшаяся на него съ ножомъ, схваченнымъ ею со стола. — Мерзавецъ! я себя избавлю отъ этихъ мученій!

«Держите се!» — вскричалъ Ивашкинъ, и бросившись къ ней, успѣлъ схватить ее за руку. Козаки кинулись къ нему на помощь, и мгновенно обезоружили убійцу.

— Ребица! — сказалъ Безшабашный, бывшій въ караулъ — скрутимъ-ка ей

Часть IV.

2

руки, чшобы не барахталась, да поведемъ къ Начальнику.

»Вы успѣете еще увести ее!—сказалъ Ивашкинъ.—Но теиерь лучше позовите сюда скорѣе Оица Протоіеря: вы видите, Фельдшеръ издыхаетъ, и можете умереть безъ покаянія; грѣхъ останется на васъ!»

Козаки, пополковавши нѣсколько между собою, послали одного изъ среды себя за Протопопомъ. Между тѣмъ больной не преспавалъ кашацья по полу, и когда Ивашкинъ предложилъ ему лечь на скамью, разосплавши на нее свой армякъ, онъ, съ ужаснымъ скрежетомъ зубовъ, отвѣчалъ ему: »Оставь меня, оставь! Мало мнѣ этого, злодѣю!»

—Видите, Викторъ Ивановичъ— говорилъ Ивашкинъ— какъ Богъ и милосердъ и справедливъ! Кпо внушилъ этому несчастному придти къ вамъ съ раскаяніемъ, если не попь, кпо владѣетъ нашими помышленіями? Я давеча говорилъ вамъ: надо Ему молиться, и Онъ не замѣдитъ поспѣшишь на помощь! . . . Но опъ чего же я еще не вижу слѣдовъ радости на вашемъ лицѣ, когда величайшая тяжость спала съ вашего сердца—и невѣста ваша невинна?

»Но я виновенъ предъ нею! Проститъ ли она меня? Припомъ: эпа женщина! . . . О! если она въ самомъ дѣлѣ мать моя!»

—Нѣтъ, она не мать твоя!—про-

хрипѣлъ умирающій Фельдшеръ.— Я знаю ее давно Я былъ бѣглый солдатъ, и вмѣстѣ съ нею участвовалъ нѣкогда въ воровствахъ. Она....

»Околѣй, дьяволь! — завопила Цыганка, порываясь изъ рукъ козаковъ— околѣй! О кабы я могла вырвать съ корнемъ двоя проклятый языкъ!»

—Зажмите ей ротъ! — вскричалъ Иващукъ. — Зажмите, вопть такъ, чтобы она не могла слова пикнуть!

Но между тѣмъ съ больнымъ увеличилось припадки, и онъ не былъ въ состояннн сказать ни одного слова на безчисленные вопросы Мичмана.

»Экая припча, ребяна! — говорили козаки—смотри, чпо онъ умреть безъ покаянія! Чпо это Отець Протопопъ замѣшкался! Бѣги-ка ты за нимъ, Егорка! А вошь, слава Богу, идетъ!»

— Не опоздалъ ли я? — спросилъ съ вешерпѣніемъ Протопопъ.

»Да чуть ли не опоздали, Отець Пепръ! — сказалъ Ивашкинъ. — Впрочемъ онъ ужъ во всемъ раскаялся. Вошь чпо онъ при всѣхъ насъ говорилъ «

Ивашкинъ пересказалъ, въ краткихъ словахъ, признаніе Фельдшера,

и Пропопъ, съ видомъ величайшаго
умиленія, произнесъ: »Благодарю те-
бя, Господи Боже Всемилосердый,
что ты не попустилъ погубить
невинную сироту! Я твердо увѣ-
ренъ былъ, Аркадій Петровичъ,
что Господь, рано или поздно опі-
кроешь ея невинность Но дай-
те же мнѣ поскорѣе занявшись
этимъ несчастнымъ Друзья
мой!—сказалъ онъ обратившись къ
козакамъ — положише его на лавку
. . . . Ахъ, Господи! какъ онъ му-
чился! Какъ ужасно сводили его
члены и какъ пѣна бѣеши изъ рта!
. . . . Зажгише ка эшу свѣчку, и
поставыше передъ образомъ
Алексій Папшелъвичъ! я пришелъ, лю-
безный, къ тебѣ Перекрестись,

если можешь, и если слышишь меня, то дай знать мнѣ хотя движеніемъ руки Алексѣй Панпелѣвичъ!»

Больной почувствовалъ призывающій его голосъ, еще разъ раскрылъ глаза, и взглянувъ на Протопопа, съ видомъ величайшаго раскаянія, произнесъ умирающимъ голосомъ: «Опецъ Петръ! простише меня!»

Послѣднія слова произнесены были шепотомъ. За тѣмъ послѣдовало страшное молчаніе. Еще раскрылись глаза, потухшіе и остановившіеся— и потомъ закрылись навсегда. «Онъ скончался!—сказалъ Протопопъ съ чувствомъ живѣйшаго участія. — Господь да простишь его согрѣшенія!»

Послѣ сего совершивъ надъ умершимъ уснатовленные молишвы, Протопопъ сказалъ козакамъ, чшобы отнесли его на квартиру, и пошомъ подошелъ къ Мичману, который, при приближеніи его, запрепешалъ, какъ преступникъ, не смѣя подвять на него глазъ.

— Что съ вами сдѣлалось, Викторъ Ивановичъ? — спросилъ Протопопъ. — Опъ чего вы такъ дрожите? Вы все еще больны?

»Нѣтъ, я здоровъ; но . . . я оскорбилъ васъ; оскорбилъ Марію Ахъ, я знаю, что досшоинъ всего вашего гнѣва!»

— Полноше, Викторъ Ивановичъ!

На что я буду сердиться, когда вы несколько не виноваты? Васъ нарочно старались разспроить съ Машей! Все дѣло въ томъ, что Антонъ Григорьевичъ, забывъ и совѣсть и страхъ Божій, рѣшился или погубить васъ обоихъ, или женишься на ней

»Что я слышу?«

— И сегодня еще поутру приходилъ онъ ко мнѣ съ предложеніемъ, что если я хочу спасти Машу отъ гибели, то опдалъ бы ее за него . . .

»Злодѣй!«

— Но я сказалъ ему рѣшительно, что я надѣюсь на единую помощь

•

Божію, по слову писанія: *не надійтеся ни на Князи, ни на сыны чловѣческія*; что если святой воля Его не угодно будетъ примирить васъ между собою

»О мой отецъ! О мой другъ! — воскликнулъ Мичманъ — если Марія опшвергнетъ раскаивающагося преступника: шо я готовъ умереть у ногъ ея!»

— И не смотря на шо — сказалъ хладнокровно Ивашкинъ — вы умрете въ эпой пюръмъ, не видавъ ея!

»Такъ! Я не могу имѣть и эпого послѣдняго утѣшенія!»

— Нѣтъ, можете, если вамъ при-

липовѣ обнять вашу невесту, нежели
вдичишься съ этою подругою (Иваш-
кинъ указалъ на цѣнь).

»Неужели мнѣ должно бѣжать, какъ
преступнику! Нѣтъ; чтобы ни ста-
ло со мною, я эшаго сдѣлать не могу!»

— Опенъ Петръ! — сказалъ воз-
вратившійся въ сіе время, по опне-
сеніи Фельдшера, Безшабашный —
мы теперь шли мимо дома Горбу-
нова, и, смотри, что-то тамъ не
ладно совершается: кажись голосъ
Начальника и Марьи Алексѣевны

»Боже милостивый!» — воскликнулъ
Протопопъ, упавъ безъ чувствъ
на полъ.

— Проклятая цѣпь! — вскричалъ Мичманъ съ величайшимъ изступленіемъ. — Теперь ты меня не удержишь (онъ рвануль цѣпь, и выдернулъ ее изъ стѣны)!

»Что вы дѣлаете? — говорилъ Безшабашный. — Вы хотите бѣжать; но мы не смѣемъ васъ опустить.«

— Пустите меня, или . . .

»Насъ спращать нечего: мы не прусова десятка! Изволь-ка убираться на свое мѣсто!«

— Разбойники! я размозжу вамъ всѣмъ головы!

»Ребяпа! — сказалъ Безшабашный — берите его, да свяжемъ по рукамъ и по ногамъ.»

— Остановитесь! — вскричалъ Ивашкинъ — остановитесь! Вы слышали, что онъ ни въ чемъ невиновенъ; что его терзаютъ напрасно; что злодѣй для того только губитъ его, чтобы опнипъ у него невѣсту, и, можетъ быть, въ эту минуу совершаетъ ужаснѣйшее изъ преступленій Если вы Христіане, вы не должны исполнять волю душегубца Пустите его!

»Мы дали прѣсягу!«

— Вы дали присягу служить вѣрою и правдою ГОСУДАРЫНѢ; но

здѣсь вы видите явное нарушеніе
всѣхъ законовъ и Божескихъ и ГОСУ-
ДАРЕВЫХЪ. Вы сами будете отвѣ-
чать, когда допустите погубить
невиновость!

»А что въ самомъ дѣлѣ, ребята —
сказалъ Безшабашный—вѣдь шеперь
въ домъ Горбунова не добро шворип-
ся! Такъ и бытъ: пусть же судить
насъ Богъ и ГОСУДАРЫНЯ, но не
дадимъ злодѣю смѣяться надъ си-
ропою. Пустимъ его, и всѣ пойдемъ
съ нимъ вмѣстѣ!»

— Пойдемъ, ребята! — вскрича-
ли козакъ въ одинъ голосъ. — Пой-
демъ! За добро не спануть судить
насъ!

XXIV.

П Р И Ж И Р Е Н І Е.

Начальникъ, получивъ рѣшительный отказъ въ рукъ Маріи, вышелъ опъ Пропопопа съ величайшею яростию, хопя при прещаніи и ушанлъ ее въ сердць. »Теперь — думалъ онъ идучи дорогою — жребій мой бро-

шенъ: пусть эпошь старый хрычъ
лопнешъ съ досады, а я цѣли своей
достигну! Ни Богъ, ни адъ не оспа-
новяшъ меня въ моемъ намѣреніи: я
не жду болѣе милости и презираю
всякія муки!»

Мы не будемъ доканчивашъ сихъ
спрашныхъ размышленій злодѣя, уже
перешедшаго всѣ предѣлы возможно-
сти раскаянія, и скажемъ только
то, что онъ принялъ рѣшительное
намѣреніе посѣпить въ шопъ же
день Марію.

Положеніе сей несчастной со спо-
роны содержанія не было слишкомъ
худо: ибо губитель ея для собствен-
ныхъ адскихъ цѣлей, старался о ея
выздоровленіи. Горница, гдѣ жила

она, была довольно prosperous и опрятна, какъ въ порядочномъ крестьянскомъ домѣ. Пища доставлялась ей не только здоровая, но и приятная. Самая свобода ея не была совсемъ спсена: ей позволялось гулять въ огородъ, который хотя для прѣзжаго не представилъ бы иного зрѣлища, кромѣ скупости тамошней природы, но для жительницы Камчатки былъ, по крайней мѣрѣ, не неприятенъ (*). Все это, конечно, не могло возвратить Маріи ея прежняго здоровья и красоты, однако жъ при ея молодости, крѣпкомъ сложеніи и особенно при твердомъ упованіи на Бога, поддержало ея жизнь.

(*) Въ Камчаткѣ рождался картофель, капуста, въ выющаяся, однако жъ, въ кочни, репа и репка. Хлѣбъ съюшь весьма мало и только во внутреннихъ мѣстахъ, по рѣкѣ Камчаткѣ.

Она спрaдала, но не предавалась опчаянію, и горестъ ея растворенная чувствованіемъ невинности и живою надеждою на высшую помощь и лучшую жизнь, если не здѣсь такъ за гробомъ, придавала ея чертамъ нѣчто возвышенное, неземное: ибо счастье сближаетъ насъ съ землею, а злополучіе приближаетъ къ Небу, и тошъ, кпо никогда небылъ несчастливъ, заслуживаетъ истинное сожалѣніе!

Марія, пробудившись на самомъ разсвѣтѣ, сѣла подъ окно. Все поконлось и въ природѣ и въ смупномъ жилищѣ людей; только чуть-чуть подуваль легкій упренній вѣперокъ, и море едва плескалось въ бѣрега. Небо было чисто. Воздухъ прозра-

чень и прохладень. Вдали поднималась заря. Прекрасное, радостное явленіе утра имѣло цѣлебное дѣйствіе на душу Маріи, какъ и всегда бываетъ съ несчастными: имъ кажется, что, при всеобщемъ праздникѣ, воскресеніи природы, невозможно, чтобы одни они были забыты и опредѣлены на мученія. Свѣшлый, прелестный лучъ надежды блеснулъ ярко въ душѣ нашей сироталицы, и ей такъ живо, такъ ясно представилось могущество Творца, что, въ умиленномъ восторгѣ души, она залилась слезами, и бросилась на колѣна, обративъ молящій взоръ на лучезарный Востокъ, откуда, казалось ей, вмѣстѣ со свѣтомъ лились упокое и отрада.

Дѣйствіе молитвы всегда благотвельно: Марія цѣлое утро чувствовала себя весьма легко, тѣмъ болѣе, что при ней не было на сей разъ ея ненавистнаго аргуса — Марины, которая въ сіе время сплучалась отъ нея, имѣвъ продолжительную конференцію съ Начальникомъ. Злодѣй и сластолюбецъ спрашивалъ ее со всею подробностію о душевномъ расположеніи Марин — и Цыганка, находил замѣченное уже нами выше дьявольское удовольствіе подстрекать своего губителя на новыя злодѣянія, и припомъ мучишь свою невинную соперницу, обманула его. По словамъ ея, Марія уже начинала охотно слушать рассказы объ удовольствіяхъ брачной жизни и о выгодахъ бытъ женою человека бога-

шаго и чиновнаго. Гнусная спрассь
вспыхнула въ грѣшникѣ. Не опкла-
дывая далѣе своихъ намѣреній, зло-
дѣй пошелъ къ Протопопу. Послѣд-
ствія ихъ свиданія уже извѣстны.
Цыганка, возвратившись къ Маріи,
начала съ адескимъ смѣхомъ надъ нею
издѣваться.

— Я рада, что ты сегодня не такъ
печальна, какъ прежде, и не такъ
сердито на меня смотришь; за то
и я тебѣ скажу радостную вѣсть.

Марія хотя убѣжала всякаго раз-
говора съ Мариною: ибо злодѣйка
всегда распоряла его ядомъ; но
обольщенная мечтательными надеж-
дами сердца, бѣдная думала, что въ
настоющихъ словахъ Марины уже

заключается ихъ исполненіе, и съ неперпѣніемъ спросила ее: »Не узналъ ли онъ, что я невинна?«

—Эпо онъ—отвѣчала Цыганка съ усмѣшкою, будто бы не понимая, про кого говоритъ Марія—эпо онъ давно уже знаетъ!

»О если эпо правда: то благодаря тебѣ, Боже мой! Одного эпого я и желала: теперь что ни будетъ со мною, я все снесу терпѣливо!«

—И я скажу тебѣ еще болѣе: онъ сегодня къ тебѣ придетъ

»Онъ придетъ ко мнѣ? Викторъ?«

—Какой Викторъ! Не про него

рѣчь: онъ сидишь въ шюрмѣ, и скоро изчахнешь въ цѣпяхъ.

Смершная блѣдность выступила на лицѣ Маріи. Цыганка продолжала:

—Рѣчь о Начальникѣ. Вѣдь я тебѣ отвержу давно, что онъ опъ тебѣ безъ памяти.

»Перестань! — воскликнула Марія, всплеснувъ руками. — Если ты вѣришь чѣму нибудь святому: то заклинаю тебя эшимъ — не мучь меня!»

—Что за мука бытъ женою Начальника?

»Боже мой, Боже мой!«

— Ну, а если не нравишься бышь его женою: то можешь сдѣлаться его любовницею. Правда, когда пройдетъ молодость и спадеть красота: то онъ безъ сомнѣнiя тебя броситъ; но что жъ такое? Не ты первая, не ты и послѣдняя! Я сама была нѣкогда не хуже тебя

Марiя ничего не ошвѣчала, и только самые болѣзненные вопли вырывались изъ ея души. Языкъ злобы, наконецъ, испощился. Марiя опдохнула. Наступилъ вечеръ. Вдругъ опята Цыганка вбѣжала къ ней съ видомъ фурин, и, съ адекою радостiю на глазахъ, сказала: »Вонъ, видишь, я правду говорила тебѣ давеча: онъ придетъ; вонъ и идетъ онъ! Радуйся!» Но прошивъ ожиданiй ея, Марiя

не оробѣла: опчаяніе придадо ея ду-
шѣ невѣрояшныя силы. Спряпавъ,
украдкою опъ Цыганки, ножъ въ ру-
кавѣ своего плашья, она сѣла подлѣ
стола, и ожидала своего злодѣя, съ
величайшимъ, повидѣмому, спокой-
спвіемъ. Онъ взошелъ въ горницу, и
прежде обратился къ Цыганкѣ. »Я
забылъ тебѣ сказать—говорилъ онъ
—что твой сынокъ прислалъ мнѣ
письмо, въ которомъ описываетъ
свое происхожденіе, и набивается мнѣ
въ сыновья. Поди и скажи ему...«
Продолженіе сего приказанія мы
знаемъ. Цыганка, бросивъ взоръ не-
человѣческой радости на Марію, вы-
шла изъ горницы, и оспановившись
на нѣкоторое время у дверей, при-
слушивалась съ дикимъ удовольстві-
емъ начавшемуся между Марією и

Начальникомъ разговору, и попомъ опходя прочь, сказала съ неимовѣрною злобою: »Празднуй, злодѣй; праздникъ твой не долговъ! Теперь пойду пошѣшусь надъ твоимъ выродкомъ, а шамъ насупишь и твоя очередь!«

Въ продолженіе сего между Начальникомъ и Марією началась слѣдующая сцена:

»Марья Алексѣевна! — сказалъ Начальникъ спрогимъ голосомъ — вы, чай, знаете за что вы содержитесь?»

— За что бы я ни содержалась — отвѣчала Марія съ твердостью; — но я знаю одно то, что я невинна!

»Хорошо! О невинности твоей поговоримъ послѣ; но теперь я долженъ сказать тебѣ, что если ты имѣешь хоть какое вѣбуть сердце: то должна чувствоватъ цѣну моихъ благодареній, и бышь, вразсужденіи меня, по крайней мѣрѣ, благодарною«

—Вамъ? Благодарною?—съ живою прервала Марія.

»Да, благодарною!—повпорилъ Начальникъ.—На тебя поданъ мнѣ ужасный доносъ, что ты оправила мою жену. Я давно могъ бы произвести слѣдствіе, и осудишь тебя, а ты видишь: я что дѣлаю? Съ собственною своею опасностію я хочу спасти тебя: я медлю, забочусь о своемъ

содержаніи, о здоровьѣ, о спокойствіи»

— Но было бы гораздо съ вашей стороны великодушнѣе, когда бы вы приказали убить меня однимъ разомъ, чѣмъ по каплѣ пить мою кровь!

»Такъ! Несблагодарная! я зналъ напередъ, что иного ожидать отъ тебя нечего! Хорошо! Я болѣе тебя не спану щадить; предамъ тебя суду; пусть же полюбуется твѣй старій дѣдъ, когда тебя выведутъ на мѣсто казни, и когда»

— Но чего вы хотите отъ меня?

»Ты знаешь, чего я хочу. Я люб-

лю тебя. Если хочешь избавишься
опъ казни: будь моей женою!»

— Никогда!

»А казнь?»

— На все готова!

»А думаешь ли ты, что свой дѣдъ
перенесешь свое безчестіе?»

— Я знаю, что онъ не перене-
сетъ этого, и смерть его падеть
на твою душу!

»Э такъ ты пакова! Но вѣшь,
голубушка, ты не опдѣлаешься опъ
меня: ты моя!»

— Опойди, злодѣй! — вскричала Марія, принимаясь за ножъ.

»Вздоръ! Ты должна бышь моею!«

Марія опскачивъ на нѣсколько шаговъ опъ губителя, выдернула изъ рукава ножъ, и занеся его себѣ на грудь, сказала ему съ величайшею швердоспiю: »Если ты сдѣлаешь еще одинъ шагъ ко мнѣ, меня не будешь!«

— Ты рѣшаешься на самоубійство?

»Рѣшаюсь!«

— И не боишься вѣчной муки?

»Ты будешь отвѣчать за меня!«

—Но подумай, что если ты сдѣлаешься моею женою: ты будешь пользоваться честью, богатствомъ, довольствомъ; все мое будешь принадлежать тебѣ; я раскрою предъ тобою все мои сокровища, и каждое свое слово

»Замолчи, оболъститель! Я ненавижу тебя, и презираю твои богатства!»

—Испытаніе кончилось!—сказалъ Начальникъ, вдругъ принявъ на себя радостный и довольный видъ, и сѣвъ на скамью.—Милая дочь моя! ты выросла подъ моимъ кровомъ, и ты могла подумать, что я въ самомъ дѣлѣ стану губить тебя, разлучая съ избраннымъ тобою женихомъ!

Нѣтъ, ты еще не знаешь меня; не знаешь, сколько я забочусь о своемъ счастьи! Все, что ни случилось съ тобою, было сдѣлано по желанію самаго моего жениха. Онъ хотѣлъ испытать твою къ нему любовь, свое постоянство, твою добродѣтель — и ты прекрасно выдержала это испытаніе!

»Напрасно ты думаешь обмануть меня этою ложью: я знаю себя уже хорошо!»

— Но если ты не вѣришь мнѣ: то повѣришь своему жениху, который

»Который, по своему приказанію, сидитъ въ шюрмѣ и въ цѣпяхъ!»

— Нѣтъ! . . . которъй свободенъ,
и теперь же будетъ у ногъ пивонхъ.

Начальникъ отворилъ дверь въ сѣ-
ни, и сказалъ громко: »Викторъ
Ивановичъ! идите, спѣшите въ
объяпія вашей« Когда
онъ говорилъ сіе, Марія спояла въ
недоумѣніи. Злодѣй, примѣшивъ сіе,
не докончилъ рѣчи, быстро обернул-
ся къ ней, выхватилъ у ней изъ
рукъ ножъ, отбросилъ его въ спо-
рону, и схвативъ Марію въ объятія,
вскричалъ съ неистовою радостію:
»Теперь ты моя!»

Марія издала ужасный вопль. »Бо-
же! защити меня!« — вскричала она
отчаяннымъ голосомъ, употребляя
слабыя и щещныя усилія.

— Нѣтъ! — сказалъ злодѣй съ бѣшеннымъ смѣхомъ. — Теперь ни какая сила не вырветъ тебя изъ моихъ рукъ! Ты моя!

»Злодѣй! — вскричалъ вбѣжавшій въ горницу въ ярости и бѣшенствѣ Мичманъ — полно ругаться надъ невинностію!» Онъ мощно ухватилъ Начальника за волосы, бросилъ его на полъ, и занесъ надъ головою его саблю.

— Викшоръ, Викшоръ! — вскричала Марія, забывшая, въ сію минуту ужаснаго смущенія, всѣ злодѣйства Начальника, всѣ оскорбленія, перенесенныя ею опъ своего жениха, всѣ непріязненныя съ нимъ отношенія, и увлекшаяся одною къ нему любо-

вію — Викпорь! чшо ты дѣлаешъ?
Ты губишь себя!

»Ты не знаешъ, Марія—опвѣчалъ Мичманъ, оставаясь въ томъ же положеніи — всю злобу и гнусность этого душегубца! Онъ поселилъ вражду между нами; онъ оклеветалъ и очернилъ себя предо мною; онъ хотѣлъ погубить тебя: самъ велѣлъ убишь свою жену, и свое злодѣяніе свалилъ на тебя, дабы принудить тебя слѣдовать его гнуснымъ желаніемъ; онъ«

—Все это извѣстно мнѣ, Викпорь; но я все прощаю ему, и умоляю тебя: и ты прости его!

»Мнѣ простишь его? Никогда!

Нѣтъ; конецъ его насчалъ! Умирай, злодѣй!»

—Оспановись! Оспановись!—вскричала Марія, бросясь къ Мичману и удержавъ его руку.

»Для чего ты его удерживаешь?—сказалъ Начальникъ съ необыкновеннымъ равнодушіемъ. — Пустъ онъ убьешь своего опца!»

—Нѣтъ, извергъ, ты самъ отказался опъ этого имени, и теперь меня не обманешь имъ!

»Переспаньше, переспаньше, Викторъ Ивановичъ!—сказалъ послѣдшне вошедшій въ сію минушу Ивашкинъ. —Что вы затѣяли, Господь съ ва-

ми? Ужели хопише едѣлашья убій-
цею? Боже сохрани васъ! Онъ зло-
дѣй, но что же и вы будете передъ
закономъ, когда убьете его? И шог-
да на вѣкъ вы прощайшесь со своимъ
счастіемъ!»

—Этотъ извергъ уже похитилъ
его у меня: я оскорбилъ Ангела
(Мичманъ показалъ на Марію), и все
кончено!

»Неужели ты думаешь, Викторъ,
что я могу на тебя сердиться? Я и
теперь люблю тебя, какъ и всегда!»

—Какъ? ты и теперь все еще лю-
бишь меня?

»Я никогда и не переславала те-

бя любишь! Я видѣла, что ты въ заблужденіи, и объ одномъ просила Бога, чѣобы ты узнала мою невинность; попомъ же, если бы ты и забыла меня, я все бы просила, и если бы умерла, то умерла бы о тебѣ молясь!»

—О небесное существо!—воскликнула Мичманъ, бросивъ саблю, и упавъ къ ногамъ Маріи.

Слезы попекли ручьемъ у него изъ глазъ. — «Ангель-Хранишель мой! какъ ны любишь меня, и какъ я, легковѣрный, не достоинъ твоей любви!

Между тѣмъ освободившійся изъ рукъ Мичмана злодѣй провор-

но вскочилъ на ноги и бросился въ двери; но Ивашкинъ оspanовилъ его.

»Пустите меня! — кричалъ первый.
— Что? Вы хотите меня убить? Вы бунповщики, крамольники«

— Нѣтъ, Анпона Григорьевичъ, мы не бунповщики и не крамольники; но все-таки не можемъ васъ опустить.

»Вы бунтуете противъ власти, нарушаете законы«

— Это рѣшитъ Высшее Начальство, кто изъ насъ: мы или вы больше нарушаемъ законы; но теперь мы не имѣемъ времени съ вами соспязаться. Вы должны остаться

здѣсь, пока не придуть васъ отсю-
да выручить. »Ребяна!—сказалъ Ива-
шкинъ, обратившись къ козакамъ—
посадите Антона Григорьевича въ
этомъ чуланъ.»

—Какъ вы смѣете, разбойники? Я
вашъ Начальникъ!

»Знаемъ — говорилъ Безшабашный
— что Мапушка ЦАРИЦА послала
васъ сюда начальствовать, да вы-то,
вишь, задумали другое, а повадился
кувшинъ по воду ходить, такъ шупъ
ему и голову положишь.»

—Упрямьтесь нечего, Антонъ Гри-
горьевичъ!—сказалъ съ твердосп:ю
Ивашкинъ. — Вы видите: здѣсь все
противъ васъ. Извольте войти въ

чуланъ доброй волей: изъ уваженія единственна къ вашему званію мы не хотимъ употребить силы.

»Хорошо, я войду, но это будетъ вамъ всеѣмъ дорого стоить!»

Ивашкинъ молча заперъ за нимъ дверь, завернулъ замокъ, и положивъ ключъ въ карманъ, сказалъ тихо любовникамъ, уповавшимъ между нѣмъ въ слезахъ радости и восторга: »Довольно, довольно! Пора идти! Время дорого! Пользуйтесь имъ, пока звѣрь взаперти! Едва привелъ въ чувство Отца Протоіерея «

— Развѣ онъ боленъ? — спросила испугавшаяся Марія.

»Быль, но я помогъ ему. Все это вы узнаете послѣ Я уговорилъ его: обвѣнчать васъ нынѣшнею же ночью, и онъ уже въ церкви. Спѣшите за мною!»

—Но что съ нами будетъ потомъ?—спросилъ Мичманъ.

»Впереди Богъ! Спѣшите!»

XXV.

ВѢЩАНІЕ.

Была темная ночь. Небо задернулось тучами, отъ времени до времени освѣщавшимися молніею. Слышался и громъ, но отдаленный, глухой, какъ большею частію бываетъ въ Камчаткѣ. Въ лѣсахъ бушевалъ

вѣсперъ. Волны шумѣли на морѣ. Пользуясь мракомъ и шумомъ, молча пробиралась къ церкви поропливая толпа, изъ которой, при одномъ поворотѣ повидимому пайкомъ опъ прочихъ, отдѣлился человекъ, и ускользнулъ въ ворота. Дойдя до дверей церкви, толпа раздѣлилась надвое: большая часть пошла скорыми шагами къ лѣсу; остальные вошли въ церковь. Въ ней было и пусто и мрачно и безмолвно; только скрипѣли славни, попрысасмые въпрямъ; только одна свѣча горѣла предъ наломъ, у котораго споялъ старецъ, погруженный въ глубокую думу. Прекрасный юноша и прелестная дѣвушка бросились въ его объятія. Старикъ прижалъ ихъ къ своей груди, и всѣ трое, не произнеся ни од-

ного слова, вдругъ залились слезами. Есть чувствованія, для которыхъ языкъ человѣческій и медлишель и излишенъ!

Прошли первыя минушы свиданія. Сердца нѣсколько успокоились. Спарецъ, возвелъ глаза къ небу, благословилъ дѣтей, и началъ совершать обрядъ, при которомъ не было ни богашубранныхъ и веселыхъ поѣзжанъ, ни шумной шолпы любопытныхъ зрителей. Два только свидѣтеля присутствовали при вѣчаніи: дряхлый восьмидесяти-лѣтній шрапезникъ, выглядывавшій, какъ житель другаго свѣша, изъ темнаго угла, гдѣ споялъ его прилавокъ, и печальный Ивашкинъ, склонившійся на свой посохъ, и, казалось, обдумы-

вавшій будущій жребій новобрачныхъ. Обрядъ кончился. Протопопъ еще разъ со слезами на глазахъ горячо обнялъ Виктора и Марію, не представлявшихъ также заливавшихся слезами радости и горя; но попомъ, какъ бы исполняясь высшаго вдохновенія, оперъ слезы, и произнесъ съ важностію Пророка: »Малодушные! о чемъ мы плачемъ? Топь, Кому повинуются моря, предъ Кѣмъ препенушъ горы, и небо свивается яко риза, развѣ не можетъ защитить насъ отъ нападенія червя, буде восхоцешъ? Идише, дѣши, куда вамъ назначилъ Господь! Спасайтесь отъ губителя ! . . . Викторъ Ивановичъ! я тебѣ вручаю сокровище, копорого дороже я ничего не имѣлъ и не имѣю на сей землѣ; ты заспу-

пишь шеперь для нея мѣспю опца
и матери; береги ее, другъ мой: она
доспойна шебя!»

— Ея спокойствіе естъ мое спо-
койствіе — сказалъ съ жаромъ су-
пругъ Маріи; — ея жизнь еспь жизнь
моя! Никпо не можешъ посягнушь на
ея безопасность прежде, пока не погря-
знешъ въ моей крови: вошь обѣпъ мой
предъ олшаремъ, Того, Кипо видишь
самую глубину моего сердца!

»Да поможешъ шебъ Господь во
всѣхъ пушѣхъ швоихъ! — сказалъ
Прополопъ съ глубочайшимъ чув-
спвомъ. — А ты, дочь моя, слѣдуя
за швоимъ мужемъ«

— О любезный дѣдушка! — вскри-

чала Марія, задыхаясь опъ слезъ—я люблю Виктора; но не имъю силъ и съ вами разсшась!

»Другъ мой! этого пребуешь Провидѣніе — и мы должны покориться Его волѣ! Вамъ не лзя оставатьсь здѣсь ни одной минутой: злодѣй непременно разлучитъ васъ, и погубитъ обоихъ. Аркадій Петровичъ будетъ вашимъ хранителемъ. Ему Камчатка знакома вдоль и впоперегъ, и съ Божіею помощію, я надѣюсь, онъ успеетъ скрыть васъ въ безопасномъ мѣстѣ, до времени»

— Думаю, что успею въ эпозъ!— сказалъ Ивашкинъ, вышедшій изъ задумчивости, при произнесеніи его имени. — Дорогою я рассказывалъ

Виктору Ивановичу, куда я надѣюсь ихъ провести; но и то такъ же сказалъ я, что впереди Богъ!

»Да, спѣ него все зависить! И кто другой, какъ не Онъ, внушилъ вамъ ваше благое намѣреніе?»

— Дай Богъ шолько, чшобы оно исполнилось!

»Нѣтъ, Аркадій Петровичъ — сказалъ съ живостію Мичманъ,—я не могу васъ взять въ свои проводники: предосшавъте насъ нашей судьбѣ!»

— Опъ чего вдругъ такая перемѣна въ вашихъ мысляхъ?

»Если мы попадемся въ руки преслѣдоващелей, мы будемъ опивѣчать за свой побѣгъ; но вы по какой винѣ будете мучиться?«

— Обо мнѣ не безпокойтесь: я давно пересталъ бояться человѣческой власти. Что со мной сдѣлаюшь? Будушь терзать эшошь бѣдный трупъ? Пускай! Было время, когда я любилъ жизнь, а теперь мнѣ все равно! Скажу вамъ больше и скажу истинную правду: теперь смотрѣшь мнѣ на спраданія другихъ гораздо мучительнѣе, нежели на свое собственное. Если бы было иначе, кто меня припацилъ бы въ Пешропавловскъ, когда я могъ бѣжать шуда, куда воронъ костей не занасиваль? Но я вспомнилъ Зуду и—во-

ропился. Богу неугодно было, чтобы я помогъ моему спарому другу; за то онъ послалъ мнѣ другой случай: я полюбилъ васъ обоихъ всѣмъ сердцемъ — и готовъ для васъ на все. Пойдемте! Пора!

»Подумайте!«

— Все обдуманно! Безъ меня вы не спусните шагу въ этой пустынь, а мнѣ она извѣстна, какъ моя ладонь. Пойдемте!

»Но если вы дѣлаете благородное дѣло, спасая насъ; то развѣ съ нашей стороны должно пользоваться имъ къ вашему вреду?«

— Эхъ, Викшоръ Ивановичъ! въ

эпомъ разочтемся послѣ!

»Въ самомъ дѣлѣ — сказалъ Пропопъ — не шерляйте дѣти напрасно времени. Положитесь на Бога и идите! Благословляю васъ опѣ всей души моей! Полно плакать, Машинька: слезами не поможешь! Мужайтесь и крѣпитесь! Ну, прощайте, прощайте! Богъ да благословитъ васъ!«

Пропопъ взялъ свѣчу, и уговаривая Марію, заливавшуюся горькими слезами, подошелъ съ новобрачными къ дверямъ; но едва онъ коснулся къ замку, какъ страшный ударъ въ нее съ наружной стороны раздался въ пустотѣ церкви. Всѣ бывшіе въ ней вздрогнули.

— Кто тамъ ломится? — спросилъ Пропопъ.

»Отворяй!« — вскричалъ голосъ изъ за дверей.

— Кому надобность въ ночное время быть въ церкви?

»Отвори; мы скажемъ что за надобность!«

— Не опопру; скажише прежде!

»Отпирай же, старый хренъ — вскрикнулъ Начальникъ; — не по дверь велю вышибить!«

— Звѣрь на свободу! — сказалъ ши-

хо Ивашкинъ. — Безъ сомнѣнія, это мошенникъ Горбуновъ освободилъ его. Мнѣ, казалось, будто кто-то уско-чилъ въ ворота: шакъ и ешь!

»Да, вѣрно онъ — подтвердилъ Промопопъ; — онъ и шусь, да и преданъ злодѣю. Но куда дѣвались прочіе козаки?»

— Ушли куда глаза глядятъ, чпо-бы скрылись до пріѣзда Ревизора.

»Въ послѣдній разъ говорю— снова раздакъ голось Начальника — опворай, или дверь сейчасъ же выдешишь вонъ!»

— Вышибай, если имѣешь на это право!

»Имѣю! Здѣсь скрываются преступники, буншовщики, разбойники: выдай мнѣ ихъ, и я уйду въ ту же минуту!«

— Здѣсь нѣтъ ни буншовщиковъ, ни разбойниковъ?

»Послушай, старикъ: если ты не выдашь ихъ добровольно, и принудишь меня употребить силу; то и самъ будешь сидѣть въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ ними!«

— Дѣдушка, милый дѣдушка! — вскричала Марія — выпустите меня. Пусть злодѣй расперзаетъ меня; но я не допущу, чтобы вы страдали вмѣстѣ съ нами!

»Нѣтъ, Марія! — прервалъ Мичманъ — ты должна оспасться. Я всему причиною; до меня вы были счастливы; я разрушилъ ваше счастье: я и долженъ спрадать за сіе. Пустите меня!»

— Нѣтъ, дѣши мои милые, не пушу васъ обоихъ: вы оба равно любезны мнѣ, и я скорѣе умру у этого порога, нежели позволю злодѣю надъ вами ругаться!

»Что, калуерь! — снова раздался за дверью звѣрской голосъ Начальника — еще ли будешь говорить, что у тебя никого нѣтъ въ церкви!»

— Есть, но это дѣши мои, а не разбойники, которыхъ ты ищешь!

»Давно ли Мичманъ спалъ своимъ сыномъ?»

—Съ той минутой, какъ онъ спалъ мужемъ моею внучки!

»Буншовщикъ! Крамольникъ! — завопилъ съ ужаснѣйшею яростию Начальникъ, услышавъ сей отвѣтъ— и въ пощады ни тебѣ, ни своимъ сообщникамъ! Ломайте дверь, спирь- лайте въ окна, рѣжьте, губите, жгите измѣнниковъ!»

Желѣзная дверь тяжко заскрипала подъ ужасными ударами шара, заглушая усилившіеся удары грома; церковь дрожала, и все зданіе, казалось, готово было разрушиться.

»Спрѣляйше! Спрѣляйше!« — раздавались бѣшеные крики Начальника.

— Гасите свѣчу — вскричалъ Ивашкинъ — и спрячемся за печь!

»Боже мой, Боже мой! что съ нами будешь?« — восклицала Марія.

— Что бы ни было — говорилъ Мичманъ, выдернувъ саблю;—но я дорого продамъ имъ нашу свободу.

»Теперь единая надежда намъ Богъ!« — сказала Прошопопъ.

Едва осажденные успѣли спрятаться, какъ нѣсколько ставней съ шумомъ распворились, ружейные дула пробили слюду, и успавились сквозь

железныя рѣшешки. Пономъ послышался шорохъ взводимыхъ курковъ; раздалось страшное: пали — и мгновенное пламя, вылетѣвшее съ ужаснымъ трескомъ, освѣщило шмуцеркви, и пули засвистали по ней въ разныхъ направленіяхъ. Пальба не ушихала. Церковь совершенно наполнилась пороховымъ дымомъ, сквозь кошораго безпрестанно вспыхивало въ окнахъ пламя выстрѣловъ, и загаралась молнія. Трескъ усилившейся грозы, учащенные удары шарана, грохотъ ружей, свистъ и щолканіе пуль, крикъ осаждающихъ и бѣшеный побудительный ревъ разъяреннаго злодѣя, сливаясь вмѣстѣ, изображали нападеніе не людей, но духовъ злобы, воздвигшихъ все силы неба и земли на разрушеніе Святаго мѣста.

Въ это время Пропопъ, не теряя надежды на Бога, читалъ молитву; Марія дрожала отъ страха, не столько за себя, какъ за драгоценныхъ сердцу ея дѣда и супруга; Викторъ, съ неустрашимостію молодаго воина, ожидалъ мгновенія, въ которое должно будетъ начать смертный бой съ злодѣями; одинъ Ивашкинъ, презирая давно жизнь, стоялъ съ величайшимъ хладнокровіемъ, и выпскивалъ въ умъ средства избавитъ отъ бѣды не для себя, но для своихъ несчастныхъ товарищей; наконецъ, какъ будто что-то вспомнивъ съ примѣшною радостію, онъ проворно кинулся изъ за печи.

— Куда ты (Богъ съ тобой)? — сказалъ со страхомъ Пропопъ, схва-

пивъ его за полу. — Вѣдь пунтъ
и шага не спунишь, какъ тебя зло-
дѣи заспрѣлютъ!

»Пусшите, Опець Петръ! Здѣсь
ни чего не выспоимъ: надо дѣйство-
вать!»

— Если нужно дѣйствовать —
прервалъ Мичманъ — по скажине
что дѣлашь: я на все гошовъ!

»Не споропнись: дойдетъ очередь
и до васъ, а покамѣспъ шеперь моя.»

— Но васъ убьютъ?

»Все равно!»

Говоря сіе Иванкинъ, выдернулъ

полу изъ рукъ Протопопа, и оставилъ своихъ товарищей въ страшномъ ожиданіи объ его участи. Опъ ужаса едва переводя дыханіе, они прислушивались робко къ его шагамъ, и при каждомъ выстрѣлѣ, освѣщавшемъ церковь, слышали, казалось, что-то тяжелое, грянувшее на полъ, и говорили съ пренебреженіемъ другъ другу: »Это упалъ онъ! Ужъ на вѣрное онъ!«

Между шѣмъ неуспрашивмый, но всегда оспорожный Ивашкинъ, пробираясь около стѣны, большею частьюю ползкомъ, добрался до прилавка, за коимъ прятался старый прапезникъ, братъ памятнаго въ лѣтописяхъ Камчатки удалца *Харгина*, вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ

участвовавший въ главномъ Камча-
дальскомъ бунтѣ (*), и потомъ рѣ-
шившійся, заглаживъ свои преступ-
ленія и временное отступничество
повсежизненнымъ служеніемъ при
церкви.

— Кирилычъ!— сказалъ Ивашкинъ
—сидя со сложенными руками, не
вкупимъ бѣды; пойдемъ!

»Оспавь меня, родимый! Мнѣ ин-
го дѣлать нечего, кромѣ какъ ждать
смерти! Погибнетъ церковь, погибну
и я вмѣстѣ съ нею: таковъ обѣтъ
мой!»

—Я тебѣ не помѣшаю сдержашь
пивою обѣтъ; но скажи мнѣ только:
не извѣстенъ ли тебѣ шотъ ходъ,

(*) 1731 года.

кошорый, говоряшь, прорыли козаки во время Камчадальскихъ буншовъ, чшобы досшавашь въ оешрожекъ воду, и изъ кошораго выхоть пѣпомъ былъ проведень сюда, чшобы держашь его въ секретѣ?

»Какъ не извѣснень, бапюшка! Вѣдь я, окаянный, и провелъ ямъ буншовщиковъ. Вонъ, въ олшарѣ близъ Сѣверныхъ дверей, какъ поднимешь вшорую половицу Только врядь ли не засыпался онъ землею! Времени, бапюшка, прошло много, много! Вонъ ужъ какъ и я при церкви лѣшъ болѣе сорока будещь! Ахъ шь, Господи! Экъ! они, окаянные въ двери-то ломлшся: словно черпш въ Свяшое мѣшко!»

Ивашкинъ, не дослушивая послѣднихъ словъ Трапезника, проворно началъ пробираться съ пою же оспороженностию къ своимъ товарищамъ.

»Отецъ Петръ! я хочу провести вашихъ дѣшей по паеннымъ ходомъ.«

— Но какъ вы найдете его? И я слыхалъ, что есть ходъ, но гдѣ его опыскашь, не знаю.

»Я все уже распросилъ у Кирилыча!«

— Да, ему это извѣстно должно быть лучше моего: онъ гораздо прежде меня при здѣшней церкви. Если найдете эшопъ ходъ: то велика милость Божія! Подите же, дѣши мои милые! Подите скорѣе! Мѣшкашь нечего!

Другой помощи жданъ не откуда!

Между тѣмъ, какъ Марія снова начала колебаться, не имѣя силъ ни оставишь дѣда, ни разлучишь-ся съ мужемъ, вдругъ раздались столь страшные удары въ дверь, что пепли, повидимому, не могли уже долѣе удерживаться на мѣстахъ.

»Машинька! — вскричалъ Проптопопъ — шеперь долго думаешь нечего: спайпесь! Еще нѣсколько минушь — и мы все погибли!»

— Пожаръ! пожаръ! — закричалъ въ то же время препенущимъ голосомъ старый прапезникъ, бросясь изъ за прилавка. — Пожаръ! Отецъ Пётръ! не прикажете ли ударишь въ набашъ? Пожаръ!

»Слышишь, Машинька? Бѣги, пока есть время! Теперь я обязанъ забыть, что я дѣдъ вашъ, и долженъ поступать, какъ служитель церкви. Прощайше! Бѣй въ набашы!»

Между шѣмъ огонь, заплѣвшійся опъ выспрѣловъ на холспѣ, коимъ были обпянупъ спѣны, разгорался мало по малу, и наконецъ вспыхнувъ, быспро бѣжалъ къ пополку, и спрашно освѣпилъ дымную церковь. Выспрѣлы при огнѣ сдѣлались почти неизбѣжны. Несчастные, не имѣя болѣе шемнопы своею защипою, рѣшились на послѣднѣе средство: пробѣжашъ бѣгомъ къ назначенному шрапезникомъ мѣспу. Они бросились. Дикой вопль ихъ гонипеля раздался въ окно: »Вонъ они! вонъ! Пали,

бей злодѣевъ!» Нѣсколько ружей разомъ грохнули, пули засвиспали, но только одна легко ранила Мичмана. Вбѣжавши въ олшарь, несчастные подняли половицу, и взявъ нѣсколько зажженныхъ свѣчъ, спустились въ неизвѣстный пущь.

Въ сіе время Протопопъ, не думая болѣе ни о нихъ, ни о себѣ, собралъ нespѣшно священныя вещи, и выйдя съ ними изъ олшаря съ крестомъ въ рукѣ, отворилъ церковныя двери, и съ важностію пастыря сказалъ ломившимся козакамъ: «Если вы Христиане, то не разрушайте должны домъ Божій, а спасать: онъ горитъ!»

— Въ самомъ дѣлѣ, церковь горитъ! —

закричали вбѣжавшіе въ нее козаки.—
Ребята! воды, воды! Тушимъ!

»Пусишь горить! — кричалъ вбѣ-
жавшій также пуда Начальникъ.—
Прежде ищите бѣглецовъ, а поту-
шите успеете. Говори, Попъ: куда
ты ихъ спряшалъ?»

— Антонъ Григорьевичъ! — отвѣчалъ
Протопопъ, держа предъ нимъ крестъ
— вспомните о томъ, кто былъ рас-
пятъ на крестѣ! Этого храмъ ис-
купленъ Святою кровію, а вы гопови-
те ему гибель! Забудьте на минуту
ваши земныя страсти, и подумайте
о небесномъ!

Начальникъ невольно остановился,
какъ бы пораженный изумленіемъ, а

Пропопопъ, обращаясь потомъ къ козакамъ, продолжалъ: »Дѣти мои! Чпо спюише? Чпо медлише? Храмъ Божій обвиняется пламенемъ — какого ждете еще приказанія? Кому должно болѣе повиноваться: чловѣку или Богу? *»Аще хотите и послушаете меня — глаголетъ Господь — благая земли снѣсте; аще же не хотите, ниже послушаете мене, мечъ въ поясѣ!»*

— Попъ! — закричалъ опомнившійся Начальникъ, дрожа отъ ярости — долго ли ты будешь бунтовать моихъ подчиненныхъ?

»До тѣхъ поръ, пока ты не пере-

спанешъ оскорблять Бога и ГОСУ-
ДАРЬИНЮК

— Вотъ до чего дошла дерзость!
Нѣтъ, Нѣтъ! или я болѣе не На-
чальникъ, или я не допущу на до-
мною ругаться! Возмите его, берите
его!

Но всѣ эти приказанія были про-
изнесены напрасно: ибо крзаки, ча-
стнѣю устрашенные словами Прото-
попа, частнѣю по собственному рели-
гіозному расположенію, присоеди-
нились къ толпѣ народа, ввалившася
въ церковь для спасенія церковной
ушвари: ибо потушить пожаръ, по
причинѣ пропущенія благопріятнаго
времени, было уже невозможно. Въ
общей суматохѣ, въ дыму, при кри-

къ народа и воѣ набаша, никто не примѣчалъ Начальника, и никто не слыхалъ его криковъ. Въ бѣшенствѣ и досадѣ онъ было побѣжалъ уже изъ церкви, какъ вдругъ кто-то почти насильно остановилъ его, вскричавши: »Ваше Высокоблагородіе! нашель!«

— Нашель! Гдѣ они, злодѣи? Веди ихъ ко мнѣ!

»Нашель, но еще не самихъ, а только лазею, куда они скрылись. Если угодно: извольте идти скорѣе за мною!«

Начальникъ и достойный его служитель быспро пронеслись, какъ два злые духа, уже по опустѣвшей

и по обнявшейся пламенемъ церкви, и первый, обуреваемый неистовою страстію, съ адскою яростію на лицѣ, схвативъ горящій опломокъ иконоспаса, кинулся, какъ звѣрь, за своею добычею въ раскрытую дверь подземелья. Прислужникъ его также хотѣлъ послѣдовать за нимъ, но едва занесъ ногу, какъ разгорѣвшійся иконостасъ рухнулъ, и придавилъ измѣнника своею пламенною массою: это былъ Горбуновъ!

XXVI.

П о в ъ г ъ .

Въ продолженіе вышесказаннаго Викшоръ, Марія и Ивашкинъ, чувствуя сырость и духоту подземнаго хода, употребляли величайшія усилія, чтобы скорѣе пройти его; но, къ невыразимому огорченію, должны

были оспанавливаясь почти на каждомъ шагу: ибо во многихъ мѣстахъ, гдѣ земля, слабо удерживаемая гнилыми подпорками, обсыпалась, нельзя было проходитьъ иначе, какъ сильно наклонившись, а въ другихъ мѣстахъ должно было даже ползти на коѣнахъ, и при томъ съ чрезвычайною оспорожностію, чтобы не разшевеливъ страшной громады, угрожавшей сверху паденіемъ и смертію. Въ одномъ изъ сихъ трудныхъ переходовъ, Ивашкинъ, поскользнувшись на сырой и почти мокрой землѣ, выронилъ изъ рукъ свѣчу, и оставилъ себя и своихъ товарищей въ страшной темнотѣ. Тогда положеніе ихъ сдѣлалось споль ужаснымъ, что у самаго Ивашкина невольно вешали на голову волосы. Возвраща-

пипься назадъ было не лзя; впереди ничего не было видно: могли опять встрѣтиться столь же трудные переходы, копорые безъ свѣпу совершить было почти невозможно; могъ бытъ выходъ и вовсе засыпанъ. Какого спасенія можно было надѣяться въ такомъ случаѣ? Бѣжаніе — не куда! Кричаніе — голосъ замеръ бы подъ землею! Казалось, вмѣстѣ со свѣчею погасла надежда, и грозная смертъ: бытъ заживо погребеннымъ въ могилѣ, предстала воображенію несчастныхъ со всѣми своими ужасами. Гробовой холодъ сильнѣе повѣялъ со стѣнъ, и запахъ плѣви провикалъ кости. Иванкинъ издавна думалъ о смерпи, но за всѣмъ шѣмъ картина мучительной, продолжительной смерпи, когда жизнь

не оплешаешь вдругъ, какъ блескъ молніи, но выпекаешь какъ горлицій свинецъ, пожигаая пѣло каплей за каплею — карпина такой смерти, живо изобразившейся въ душѣ спарца, смушила его, особенно за юныхъ поварищей, копорымъ неисповѣдимая судьба ускорила темный и печальный путь плѣнія въ то самое время, когда жизнь, полная любви и наслажденій, должна бы встрѣпить ихъ на дорогѣ радости и счастья. Спарецъ скорбѣлъ ужасно, неизяснило; но насильно упишилъ кипѣніе мыслей въ своей груди, и удержалъ вопль, готовый изъ нее вырваться: ибо боялся испугать своимъ отчаяніемъ, впервые закравшимся въ его сердце, своихъ злополучныхъ спутниковъ.

Перемогши себя, онъ спросилъ Мичмана со всемъ возможнымъ равнодушіемъ: »Что намъ дѣлать теперь, Викторъ Ивановичъ?«

—Пойдемъ ощупью—опвѣчалъ пререщущимъ голосомъ Мичманъ, также почувспвовавшій весь ужась своего положенія и также спаравшійся скрипъ свои чувспвованія опъ Маріи.

»Но что это такое, Аркадій Петровичъ?—спросила вдругъ Марія.—Вдали какъ будто свѣпное пятно?«

—Да, да, и я вижу это! — сказалъ Мичманъ.

»Не смѣю слишкомъ рано радо-

вашься—отвѣчалъ Ивашкинъ; — но пойдёмте скорѣе.»

— Чѣмъ далѣе мы идемъ—говорила Марія;—тѣмъ пышно спановицца явственнѣе.

»И мнѣ поже кажешся«—подтвердилъ Мичманъ.

— Теперь и я его вижу!—воскликнулъ Ивашкинъ, пройдя еще нѣскольکو шаговъ.— Слава Господу Богу, теперь мы спасены!

»Но что значить это пышно?—спросилъ Мичманъ—какъ вы думаете?«

— Это свѣтъ на концѣ выхода!

»Но теперь ночь!«

— Вѣрно, церковь обнялась пламенемъ и освѣтила окрестности.

Догадка Ивашкина оправдалась. Пятно, видимое вдали нашими спрранниками, точно было отверстіе выхода, освѣщенное заревомъ пожара. Но достигнувъ его, несчастные почувствовали новый ужасъ: выходъ былъ заслоненъ огромнымъ камнемъ, коего величайшія усилія ихъ не могли оподвинуть ни на вершокъ съ мѣста, и между тѣмъ, какъ они испощали свои силы надъ этимъ безуспѣшнымъ шрудомъ, вдругъ послышался имъ въ глуши подземелья глухой топотъ ногъ. Они вздрогнули, и оглянувшись съ трепетомъ, уви-

дѣли въ отдаленности огненную почку, быстро къ нимъ приближавшуюся. Новыя, послѣднія усилія были употреблены злополучными для сдвинутія адскаго камня; но жадная громада, какъ злодѣйское сердце, была неподвижна.

»Царь небесный!—воскликнула Марія, упавъ на руки Викшору—теперь мы погибли невозвратно!»

—Что это, ребята?—сказалъ голосъ въ верху ошверстія.—Словно подъ землею кто вопиеть!

»Кто бы вы ни были—вскричала Марія въ нѣкоторомъ изступленіи, не обращая вниманія на знаки

Виктора и Ивашкина—кто бы вы ни были, спасите насъ!»

»Точно подъ землею, ребята!—повторилъ прежній голосъ. — Да кто тамъ говоришь? Живой, такъ скажи: откуда ты кричишь?»

— Слава Богу! — вскричалъ Ивашкинъ—это голосъ Безшабашнаго! . . . Мы здѣсь, братъ Проконій; спушись пожалуй-спа проворнѣе; отплатите камень!

Между тѣмъ огонь, видѣвшій во мракъ хода, увеличился, и фигура бѣгущаго человѣка съ пламенникомъ въ рукъ означилась явственнo.

»Это онъ! Это онъ гонится за

нами!» — повторяла опчаянная Марія.

— Мужайся, Марія! — опвѣчалъ Мичманъ, не менѣе ея опчаянный. — Мы избѣгли многого, избѣгнемъ и этой опасности, съ Божіею помощію!

»Скорѣе, братъ Прокопій — говорилъ Ивашкинъ — пожалуй-сша скорѣе! За нами гонящся. Еще минула — мы пропали!»

— Да гдѣ ты говоришь, Аркадій Петровичъ?

»Здѣсь! здѣсь! Въ низу оврага. Видишь ли эту срубленную липовень?»

— Ну!

»Она навалена на камень, а камнемъ загороженъ подземный ходъ, прокопанный сюда изъ церкви. Понялъ ли?»

— Понялъ теперь. Смотри, пожалуйста, мы и слыхомъ не слыхали, что есць такая диковина

»Пожалуй-снѣ поскорѣе.«

— Духомъ, духомъ, Аркадій Петровичь! Ну, ребята, сбрасывайте дерево, отворачивайте камень!

Едва только заключенные успѣли выйти изъ подземелья, и едва придвинушь былъ обратно камень, какъ злодѣй, спремившійся за ними въ погоню, прибѣжалъ ко входу, и ус-

павиль въ небольшое отверстіе, ославшееся между камнемъ и входомъ, ужасное, злоспное лице, освѣщенное кровавымъ свѣсомъ горящаго опломка. »Изверги! Разбойники!— завопилъ онъ, придя еще пѣмъ въ болѣшую ярость, что увидѣлъ въ объятіяхъ Мичмана ослабѣвшую его супругу — Бунповщики! Крамольники! отодвиньте камень! И если хошите прощенія, хватайте этихъ преступниковъ! Они убѣжали отъ наказанія, нарушили законы, наругались надъ власшю«

— Аркадій Пепровичъ! — спросилъ равнодушно Безшабашный — не прикажете ли пришибить его туца?

Не докудова ему издѣвашья надъ
Православными!

»Нельзя, Прокопій: онъ Началь-
никъ!«

— Да помилуйте, что онъ за На-
чальникъ, когда на эшакія художес-
тва пуснулся?

»Все равно! Мы не судимъ его! За
свои дѣла онъ дастъ отвѣтъ ГОСУ-
ДАРИНЪ, а если мы накажемъ его,
будемъ сами виновны предъ НЕЮ.
Оставимъ его своей злобѣ и без-
силію: для него довольно покамѣшья
и этой муки! Пойдемъ-те!«

Сказавъ сіе, Пвашкинъ началъ под-

вниматься изъ оврага на гору, крупную и безлѣсную, но поросшею травой. Викпоръ шелъ, неся на своихъ рукахъ Марію. Вслѣдъ за ними попянулись и козаки, не обращая вниманія на яроспные вопли Начальника, который, произнося на отходящихъ ужаснѣйшія проклятія, скрежесалъ зубами, и видѣлся во тмѣ кровавымъ лицомъ, уподоблялся разъярившемуся злomu духу, порывающемуся на гибель чловѣка, но удерживаемому въ извѣспныхъ предѣлахъ высшею силою.

Чѣмъ болѣе выходили изъ оврага и всходили на гору наши странники, тѣмъ дѣлалось свѣплѣ зареножара и слышнѣ становился го-

лось колокола. Наконецъ, достигнувъ до вершины горы, они увидѣли пожаръ во всемъ грозномъ его величїи. Церковь пылала кругомъ, и около ея напрасно мелькали пѣни людей: ибо помощь ихъ была уже безсильна. Скоро обнялась огнемъ и колокольня, и, облеженная вокругъ тучами, пламенѣла, какъ свѣспильникъ возгорѣвшагося гнѣва Божїя. Она пылала, но голосъ колокола все еще не умолкалъ: эпію былъ уже не набашъ, но ивснь умирающаго, послѣдній голосъ души, отлетающей съ родины. Всѣ изъ числа группы, споявшей на горѣ, зная объшъ спарика, слушали сей звонъ съ мучительной ипоскою, и съ трепешомъ ожидали паденїя колокольни, кошпорой основанїе, какъ прежде подверженное огню, скоро

должно было рушиться. Сія убив-
ственная минута приспѣла: коло-
кольня, видимо, пошатнулась, и звонъ
сдѣлался безпорядочнымъ; казалось,
руки, производившія его, пораженныя
страхомъ смерти, задрепешали. Ко-
локольня начала склоняться болѣе и
болѣе, звонъ дѣлался чаще и чаще;
наконецъ колоколь умолкъ и — ко-
локольня рухнула. Всѣ сняли шапки
и перекрестились.

»Ну бѣдный старикъ! — сказали коза-
ки въ одинъ голосъ — опзвонилъ! Дай
Богъ царство небесное! Говорили,
что связавшись въ молодости съ бун-
товщиками, онъ-де самъ зажигалъ
эту церковь; но, вѣрно, Господь сжа-
лился надъ нимъ, и проспитъ его
душу!»

— О если — воскликнула Марія —
и дѣдъ мой погибъ!

»Нѣтъ, онъ живъ — сказалъ подошедшій къ полкѣ въ сію минушу козакъ. — Я нарочно смопирѣлъ изъ лѣсу на пожаръ: изъ церкви все почти выпаскали и всѣ вышли, кромѣ одного бѣднаго прапезника, а ему сколько ни кричали — не сошелъ; звонитъ себѣ, да и полько . . .«

— Ну, Викторъ Ивановичъ — прервалъ Ивашкинъ — пора отпра- вляться далѣе. Соберитесь съ силами, Марья Алексѣевна! Если Господь поможетъ опойти далѣе, по тамъ отдохнете.

»Я готова!« — сказала Марія, спавъ

бодро на ноги, хотя примѣшно было, что она дѣлала это съ крайнимъ напряженіемъ, преодолая слабость тѣла силою духа.

Снова опидѣлившись отъ козаковъ, уговорившихся перейти къ пустынямъ *Тигля*, трое странниковъ, Викторъ, Марія и Ивашкинъ пошли къ Воспоку, пробираясь черезъ лѣса и горы. Вся ночь прошла въ побѣгъ. Утро застало ихъ въ сильномъ изнеможеніи, особенно Марію. Склонясь на ^{плечо} колѣна къ Виктору, она едва слышнымъ голосомъ прошептала: »Другъ мой! я чувствую, что не могу далѣе идти. Оставь меня здѣсь — и спасайся!»

— Марія! тебя оставишь? Тебя

оставишь, милая Марія? — воскликнул Викторъ, задыхаясь отъ слезъ.

»Что жъ дѣлать, милый другъ мой! Мнѣ не суждено здѣсь наслаждаться счастьемъ: оставь меня, и бѣги отъ гонителей; по крайней мѣрѣ, я не буду чувствовать предъ моимъ концемъ эпой ужасной мысли: что я была причиною твоей гибели!»

— А я развѣ могу умереть спокойно, оставя тебя въ эпой пустыни, на произволъ смерти? Нѣтъ, Марія! я сто краше умру самъ прежде, нежели смерть коснется твоего чела! И я уже клялся въ этомъ предъ оллпаремъ Того, кого обмануть смертный не можешь!

«О милый мой! О безцѣнный Викпоръ! ты напрасно давалъ эту клятву: она губитъ тебя, но меня спасти не можетъ. Я слышу, какъ уже смертная слабость разливаешь по моимъ членамъ, и какъ жизнь погасаетъ»

— Боже Всемогуцій! — воскликнулъ опшяанный Викпоръ — она умираетъ!

Въ эту самую минупу раздались вьедалекъ за лѣсомъ ружейные выстрѣлы, и смященные крики, повидимому, обороняющихся.

— Викпоръ Ивановичъ! — вскричалъ прибѣжавшій изъ лѣса Иващкинъ, ходившій за хвороспомъ —

поспѣшимъ на помощь: разбойники
напали на проѣзжихъ.

»Не лѣзя мнѣ: Марія моя умираетъ!«

— Поги, другъ мой! — прошептала Марія, приходя въ чувство. — Неравно злодѣи убьютъ ихъ; на шебъ останешся грѣхъ, что ты не помогъ имъ!

»Но ты какъ останешся, Марія?«

— Мнѣ легче!

Выстрѣлы зачаснили; крикъ усилился: »Разбой! Грабятъ! Бьютъ!«

— Бѣги, бѣги, Викторъ! Помоги несчастнымъ!—вскричала Марія.

Викторъ, не медля болѣе, выхватилъ изъ ноженъ саблю, и кинулся вмѣстѣ съ Ивашкинымъ. Выбѣжавъ изъ лѣса, они увидѣли, что бились шестеро, сидѣвшихъ на лошадяхъ, и что четверо изъ нихъ, повидимому, разбойники, прикрытые личинами, нападали на двоихъ, которые хопя и храбро оборонялись, но обагренные кровію, примѣтно, начинали ослабѣвать, между тѣмъ какъ злодѣи, видѣвшіе ихъ изнеможеніе, увеличивали ярость написка. Появленіе помощниковъ внезапно перемѣнило судьбу битвы. Мичманъ однимъ разомъ свалилъ одного изъ разбойниковъ съ лошади, въ тоже время, какъ Иваш-

кинѣ ошаломиль другога дубиною по головѣ. Оспальные два ударили по лошадямъ, и кинулись бѣжапъ. Викпюръ и Ивашкинъ, схвапивъ ружья убиныхъ разбойниковъ и вскочивъ на лошадей ихъ, кинулись вслѣдъ за бѣгущими. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ, проворный и ловкій, скоро скрылся изъ виду, пролепѣвъ стрѣлою по чащѣ лѣса, а другой, маленькій пощій мужичишко, повидимому, ослѣпнувшій отъ страха, какъ заяцъ, набѣжалъ на вѣтви посохшаго дерева, и наклонившись подъ нихъ, попалъ пучкомъ своей огромной косы на сукъ, и соскользнувъ съ бѣжавшаго коня, повисъ, какъ новый Авессаломъ, между небомъ и землею. Увидѣвъ сіе Мичманъ, въ порывѣ запальчивости, приложился къ ружью, и хотѣлъ

было отправить мошенника къ его товарищамъ; но Ивашкинъ остано-вилъ его. »Спойте, Викторъ Ивано-вичъ; посмотримъ, что это за че-ловѣкъ; сдастся мнѣ что-то зна-комое!»

— Башюшки! простите, взмилуй-тесь надо мною окаяннымъ! — во-пилъ повисшій на суку разбойникъ.

»Такъ и есть! Это Сумкинъ! Что это, Андропъ Спиридоновичъ! ужъ разбойничать, братъ, пустился!»

— Лукавый попушалъ меня, грѣш-ника!

»А я пакъ думаю, что ты, братъ, всякаго лукаваго самъ спушаешь!»

— Простите, помилуйте, опцы родные! Эй, Богу, ни въ чемъ не виноватъ: Начальникъ злодѣй вслѣлъ мнѣ убить *Харилова!*

»А ты и послушался!«

— Что мнѣ дѣлать? Опцы родные! разсудите сами! Мое дѣло подначальное: могу ли я ослушаться?

»Вотъ, Викпоръ Ивановичъ, здѣшнія поняшія о новиновеніи! Велятъ осудить, убить, ограбить — на все годовы!«

— Какъ же бынъ иначе, батюшка Аркадій Петровичъ? Могу ли я прошиву Начальника ротъ развѣвать? Да вѣдь онъ меня опдасть подъ судъ,

такъ я съ голода пропаду, да и ко-
спи-то мой изгнѣюпъ прежде, чѣмъ
окончипся дѣло.

»Все такъ, но лучше пусть бы
изгнали твоя кѣспи подъ судомъ,
чѣмъ ходишь на разбой: ты обязанъ
слушаться Начальника, но помнишь
и то, что есть ГОСУДАРЫНЯ, ко-
торая вознаградила бы твое невин-
ное спраданіе.»

— Охъ, отецъ ты мой родной!
гдѣ же намъ разсуждать такъ? Кабы
мы были ученые, а то вѣдь мы лю-
ди темные, невѣдущіе! Прости ты
меня, батюшка Аркадій Петровичъ!
Сжался ты надо мною! Сними ты
меня, родимый! Нѣтъ мочивки бо-
лѣ!»

»Сжалился бы я надъ побою; но скажи мнѣ прежде: для чего ты не хопѣлъ сжалиться надъ бѣднымъ Зудою, и думалъ еще терзать его, когда несчастный спарикъ, спасшій вамъ жизнь, былъ уже при смерти?»

— Не поминай ты этого, бапюшка!
Заблужденіе, родимый, заблужденіе!
Кто не падалъ въ жизни своей, и
Апостоль говоритъ: *вижу инъ законъ*

»Антонъ Григорьевичъ — прервалъ строго Ивашкинъ — васъ всѣхъ научилъ говорить текстами; и я тебѣ скажу также текстомъ: *нѣтъ милости не творящему милости!*

Оставайся здѣсь, пока мѣсть твоя на-
ставникъ придетъ освободить тебя!»

При отходѣ Ивашкина Сумкинъ за-
кричалъ столь ужаснымъ голосомъ,
что добрый старикъ рѣшился было
его снять; но опять вспомнивъ скоп-
скую жестокость сего мошенника
надъ его другомъ, ежалъ сердце, и
поспѣшилъ отъ него скорыми шага-
ми. Голосъ теряясь въ глуши лѣса,
умолкалъ, умолкалъ, и замолкъ.

Между тѣмъ Викторъ былъ уже
съ Марією, которая хотя, по уди-
вительному великодушію своему, и
убѣдила его оставить ее, и спѣшить
на помощь; но не могла не почув-
ствовать болѣзненнаго опасенія при
его уходѣ, и ощутила самую живую

радость при его возвращеніи. Залившись слезами, она прижала Виктора къ своей груди, и, казалось, жизнь, сжалившись надъ прекраснымъ швореніемъ, возвратилась къ нему съ прежнею полнотою. Дѣйствіе ли радости, свѣжестъ ли утра и нѣсколько минушъ отдохновенія — подъ ко Марія почувствовала себя гораздо лучше. Въ сіе время возвратился и Ивашкинъ вмѣстѣ съ Хапиловымъ, перевязывавшимъ, во время преслѣдованія разбойниковъ, свои раны. Хапиловъ выразилъ свою благодарносность Мичману самымъ живымъ образомъ, и будучи добръ и чувствителенъ, просилъ Виктора уговорить Ивашкина: дозволишь ему спасти своего злодѣя, Сумкина. Не смотря на убѣжденія Мичмана, Ивашкинъ проши-

вился сему, говоря въ опроверженіе.
»Помилуйте! что щадить злодѣя, ко-
торый самъ отроду ни кого не ща-
дилъ, и всегда хвастался своею жес-
ткостью? Вѣдь не мы его повѣси-
ли: онъ самъ набѣжалъ на висѣлицу!
Но когда и Марія присоединила свои
просьбы; то Ивашкинъ, любя ея,
какъ Ангела, не пропивился болѣе.
»Ну, дѣлайте, Евгенийъ Пешровичъ,
что хотите; только подольше не
опускайте его, мошенника, дабы
мы могли далѣе ухватъ!»

—Слава Богу!—сказалъ Мичманъ —
что теперь намъ можно уже не уй-
ти, а *ухватъ!*

»Вотъ какъ—присовокупила Марія
съ чувствомъ, исполненнымъ глубо-

кой вѣры—Богъ скоро награждаетъ наши добрыя дѣла! Если бы ты, Викторъ, не поспѣшилъ на помощь къ Евгению Пешровичу; то теперь должны бы мы были идти пѣшкомъ, почти съ неизбѣжною опасностію: попался въ руки нашего врага.

Распрощавшись наконецъ съ Хариловымъ, надѣлившимъ Виктора и Ивашкина порохомъ, пулями и пищею, наши спранники отправились далѣе. Марія сѣла вмѣстѣ съ Викторомъ.

XXVII.

П О Г И В Е Л Ъ .

»Разскажете мнѣ, Аркадій Пепровичъ, подробности — сказалъ Викторъ, ѣдучи лѣсомъ, упиравшимся въ небо — куда вы намѣрены насъ провесити? Тогда хоть вы мнѣ и разсказывали; но, признаюсь, бывъ въ сильномъ

•

волненіи духа, я худо понялъ.»

— Вошь видите: если Ёхашъ—отвѣчалъ Ивашкинъ — извѣстными дорогами, насъ поспѣшь догоняшь, а потому мнѣ и хочется проѣхать этими горами къ морю. Тамъ, насупротивъ *Топоркова* острова, въ спрашной глуши и въ горахъ, живешь мой спарвинный знакомый Камчадалъ *Тоначъ*. Онъ давно сказывалъ мнѣ, что недалеко отъ его жилья, на берегу моря, есть пещера, въ которой одинъ можетъ защищаться противъ цѣлой шолпы, и которую кромѣ его никто не знаетъ. Я самъ хотѣлъ уйти туда, чтобы скрыться отъ злобы людей. О! эшопъ міръ такъ суешень и такъ печалень въ глазахъ моихъ! . . .

Викторъ не спрашивая болѣе, совершенно предоставилъ свою судьбу своему опытному путешественнику. Много лѣсовъ и горъ переѣхали они. Ивашкинъ, знавшій совершенно сіи мѣста, умѣлъ выбирать для проѣзда дорогу, если не совсѣмъ удобную, по крайней мѣрѣ, не самую трудную. Обѣхавъ большой кругъ, къ вечеру вѣхали спранники на гershину высокой горы, проходившей по берегу моря, откуда къ Воспоку раскрылся Океанъ во всемъ своемъ безпредѣльномъ величїи, а къ Западу раскинулись шапры высочайшихъ сопокъ. Ивашкинъ окинувъ глазами сію великолѣпную картину, внимательнo посмотрѣлъ на шаперъ *Авагинской*, изъ котораго густой, черный дымъ, выходя неизмѣримымъ спол-

бомъ, и упираясь въ небо, явствен-
но означался на лазоревомъ грунтѣ
закаша.

»Что-шо—сказаль Ивашкинъ, по-
качавъ головой—эпошъ дымъ больно
черенъ и высокъ: эпо не предвѣ-
щаешъ добраго!»

—Правда швоя, бачка!—сказаль по-
дошедшій къ нему Камчадалъ, по
обыкновенію своему не сдѣлавъ ни
какого предварительнаго привѣт-
ствія.

»Ба! эпо шы, Тоначь! Какъ шы
сюда попалъ? А мы къ шебъ вхали.»

—Хорошо, хорошо, бачка! Я радъ

госпямъ, особенно старымъ пріа-
телямъ.

»А вѣрно самъ въ гости собрался?»

— Нѣтъ, бачка! Я поѣхалъ про-
мышлять тюленей, да вздумалъ взой-
ти прежде посмошрѣть на горѣлую
сопку: какова? Нынче, бачка, что-
то *Гамулы* сильно развозились. Вонъ
оногдась такъ всколыхалось море,
что мой товарищъ, *Брюнга*, и те-
перь ловиць тюленей за хвостъ на
днѣ, у *Измѣннаго камня*

»Ну что же — спросилъ *Ивашкинъ* —
какъ тебѣ кажется?»

— Худо, бачка! Надобно пообож-
дать здѣсь нѣсколько, а то, храни

Богъ, волнами захлещеть! Пойми
выпашить байдару на берегъ, да при-
вязать покрѣпче.

»А эшо кто плыветь? Еще при
байдары.«

— А эшо, кажись, *Чакать* со своими
дѣтьми! Вишь, бачка, и они цюже
выпаскиваютъ байдары на берегъ. Да,
пеиерь на водѣ спрашно! Только и
здѣсь, бачка, нельзя оставашься.

»Опть чего шакъ?«

— А слышишь, какъ земля звѣ-
нитъ подъ копытами лошадей? Тупь,
вѣрно, пустое мѣсно, и буде заше-
велитъсѣ Гамулы, шо какъ разъ
обрушитъсѣ!

»Тоначь замѣтилъ дѣльно!—сказалъ Ивашкинъ, обратившись къ Мичману.—Камчадалы по духу знаютъ, гдѣ опасность. Поѣдемше далѣе, Викторъ Ивановичъ!»

— Опъ чего же эпа пуспоша? — спросилъ Викторъ.

»Вы видите, что окружныя горы почти всѣ имѣютъ видъ огнедышущихъ: мудрено ли, что горныя ихъ проспирался и подъ этуо горою. Такихъ мѣстъ, гдѣ примѣчается въ землѣ пуспоша, въ здѣшней спиранѣ весьма много.«

Сѣхавъ съ пуспаго мѣста, странники сошли съ лошадей и оплпъ обратили взоры на горѣлую сопку,

изъ коей дымъ валилъ все гуще и гуще, распилаясь черною полосою, по движенію въпра, и закрывая багровое солнце, какъ бы подернутое гнѣвомъ на Вселенную. По мѣрѣ, какъ вечерѣлъ день, начинало показываться въ гуѣшопѣ дымнаго столба красное пламя, прорывавшееся змѣеобразными черпами. Но въ то самое время, какъ Викторъ и Ивашкинъ смотрѣли еъ пайнымъ шрепешомъ на сіе грозное предвѣстіе ужаснѣйшаго изъ явленій Природы, Марія нечаянно вспрѣшила глазами предметъ, еще болѣе поразившій ужасомъ ея сердце: въ концѣ долины изъ глубины лѣса выѣзжала шолпа всадниковъ, кои, казалось, примѣтя на горѣ нашихъ бѣглецовъ, кинулись къ нимъ во весь скакъ.

»Викторъ! кто это?«— сказала Марія, съ ужасомъ на лицѣ.

— Не знаю, моя милая!— ошвѣчалъ Мичманъ, также ужаснувшійся;— но если это и погоня, то еще мы поспоемъ за себя: шенеръ у насъ есть по надежному поварищу (онъ поцрятся ружьемъ)!

»Да, это точно погоня!— подтвердилъ Ивашкинъ, молча всматривавшійся до того въ приближавшуюся толпу.— Я узнаю и Начальника: вонъ, видите, порывается напередъ всѣхъ: видно, что адское вешеривнѣе пожигаетъ его душу!«

— Но кто жъ освободитъ его?

»Развѣ, думаете вы, что одинъ только Горбуновъ гоповъ былъ и купитъ себѣ прощеніе цѣною измѣны? Онъ измѣнилъ поварищамъ: могъ измѣнить и другой!»

— Но ни понимаю, какъ они могли напасть на нашъ слѣдъ?

»Весьма просто! Догадываетесь ли, кто шрясется позади всѣхъ?»

— Кажется, это мерзавецъ Сумкинъ!

»Такъ теперь вы видите, что я не даромъ хотѣлъ его оспа-вить на висѣлицѣ: если бы онъ висѣлъ на ней, то не показалъ бы дороги злодю!»

— Но какъ онъ могъ это сдѣлать?

»Ему сползло только указанье
первое мѣсто, гдѣ насъ увидѣлъ, а
ступень ужъ Камчадалы хоть кого
выслѣдятъ!»

— Что же намъ дѣлать теперь?

»Надѣяться на Провидѣніе!« — отвѣ-
чалъ спарецъ съ спокойною важно-
стію.

— Великій Боже! — воскликнула
Марія, съ ужасомъ наблюдавшая надъ
преслѣдователями — злодѣи уже под-
нимаются на гору!

»Спасетъ или нѣтъ насъ Провидѣ-
ніе — сказалъ Мичманъ въ нѣкошю.

ромъ изступленіи; — но злодѣй, насъ преслѣдующій, падеть первый!

Положеніе сихъ несчастныхъ было самое безпомощное. Побѣгъ на сушѣ былъ не возможенъ; ибо дальнѣйшій путь по горѣ пересекался ужасными рытвинами, а падѣ была покрыта тундрою: путь и тамъ можно было пробираться только самою тихою и осторожною ѣздою. Пуститься въ море значило броситься на вѣрную смерть, потому что признаки близкаго землетрясенія, слишкомъ хорошо затверженные, Камчадалами, были не подвержены сомнѣнію. Но между шѣмъ, какъ злополучные спранники колебались въ выборѣ средствъ, толпа, преслѣдующая ихъ, поднялась

на гору, и скакала вдоль по вершинѣ во всю прышь, предводительствуемая бѣшенымъ злодѣемъ. Мичманъ взвелъ курокъ, и не смотря на убѣжденія Маріи и увѣщанія Ивашкина, споялъ съ поднятымъ ружьемъ ожидая приближенія Начальника. Увидѣвъ сіе грозное положеніе своего противника, злодѣй осадилъ вдругъ лошадь, саженьяхъ въ двадцати отъ своихъ жерпвъ, и шавже приложившись къ ружью, вскричалъ съ адекою яростию: »Сдайся, или смерть!»

—Смерть! — вскричалъ ужаснымъ голосомъ Мичманъ, прицѣлясь въ изверга.

Оба они сдѣлали одинаковое движеніе, и оспавалось одно мгновеніе,

чтобы свершиться величайшему изъ преступленій. Марія была почти безъ чувствъ; Ивашкинъ смотрѣлъ съ ужасомъ, видя пщепу своихъ словъ; толпа, окружавшая злодѣя, также стояла въ изумленіи и бездѣйствіи, невольно сопровождающемъ единоборство. Наконецъ замки щелкнули, и что жъ? по странной игрѣ случая, или по волѣ Высшаго Существа, взирающаго всегда опеческимъ окомъ на наши заблужденія—какъ бы то ни было, ружья обонхъ соперниковъ дали вспышку. Казалось и бездушное вещество устрашилось ужаснаго дѣла, для котораго оно было избрано; но сердцу человѣческому, въ часъ ярости, нѣтъ ничего спрашнаго! Курки опять были взведены, опять насыпанъ порохъ на полку, оплшь

ружья пришли въ убійственное направленіе; но уже сама природа возспала противъ нарушенія ея законовъ: ужасный, невообразимый ударъ пролетѣлъ подъ землю; гора дрогнула въ основаніи; все дышавшее на ней вострепещало. И во всеобщемъ коловоротѣ вселенныя человѣка ожидаетъ не болѣе, какъ таже смерть, копорую онъ вкушаетъ иногда на мягкомъ и спокойномъ ложѣ; но не смотря на то, общее смепеніе, общій трепень природы, когда мнился, гнѣвъ Божій грядетъ на преступную обитель человѣка, и духъ ярости его сокрушаетъ грѣшную землю,—въ сіи минуны человѣкъ содрагається, трепещетъ, замираетъ несравненно сильнѣе, нежели предъ самою кончиною въ обыкновенное

иначеніе міра: тогда какъ бы спа-
даешъ мгновенно съ глазъ его завѣса
грѣха, сокрывающаго отъ него ис-
стинное его отношеніе къ Творцу, и
величіе Всемогущаго, равно и ничто-
жество предъ нимъ виновной твари,
открывается во всей поразительной
ясности. Вѣроятно, сіе самое дѣйствіе:
имѣлъ спрашнѣй глаголъ природы и
на сражавшихся: оба они опустили ру-
жья, и, казалось, забыли свою зло-
бу; однако жъ едва успановилась зе-
мля, какъ опять ненависть вспыхну-
ла въ ихъ сердцахъ; опять ружья бы-
ли направлены, и—впоричнѣй силь-
нѣйшій ударъ, пряхнувъ гору съ не-
поспѣжимою силою, мгновенно низ-
вергнувъ ея вершину въ пустое нѣд-
ро, и глубокая пропасть раздѣлила:
отца съ сыномъ, гошовыхъ нанесши.

взаимно по смертельному удару. Густое облако пыли задернуло обѣ стороны пропасти, и скрыло другъ отъ друга противниковъ. Между тѣмъ удары увеличились, и когда въперъ пронесъ пыль, предъ глазами бывшихъ на горѣ открылось зрѣлище вмѣстѣ страшное и великолѣпное. Возмущенный въ ложѣ своемъ океанъ, съ неизъяснимымъ ревомъ и шумомъ, по взбѣгалъ кипящими горами на сушу, по опять убѣгалъ на великое разстояніе отъ берега, и обнажалъ подводныя скалы, искони сокрытыя отъ пыцливаго взора.

»Какое страшное зрѣлище! — говорилъ Ивашкинъ, глядя съ ужасомъ

Часть IV.

7

на возмущеніе океана. — Смотрите: вонъ *три брата* (*) едва теперь показывающся, изъ воды, а вѣдь они въ обыкновенное время саженъ на пятьдесятъ выше моря.»

При новомъ ударѣ набѣжавшій на землю океанъ опять схлынулъ, и скрылся опъ взоровъ, снова обнаживъ подводные утесы; потомъ еще разъ поже повторилось явленіе. Казалось, взбундовавшая бездна хочеть ниспровергнуть свои границы и залить навсегда возвышавшуюся надъ ней сушу.

Во все продолженіе этого страшнаго явленія, гора, на которой спаса-

(*) Скалы, высунувшіяся изъ воды.

лѣсъ опъ попопленіа и гонимые и гонители, колыхалась какъ волна, наводя неизъяснимый ужасъ на сердце; вся окрестность была также въ грозномъ движеніи: горы и лѣса волновались какъ море, съ глухимъ необъяснимымъ гуломъ, какъ паденіе многихъ рѣкъ. Нѣтъ словъ, нѣтъ къспи, чтобы живо представить эту картину. Вся природа, и океанъ, и земля были въ содроганіи, въ претрещъ, въ ужасъ: это было, можетъ быть, хотя и слабое, но вѣрное подобіе того страшнаго дня, когда погаснетъ солнце, померкнетъ луна, спадутъ звѣзды съ неба и силы небесныя поколеблются.

Но скорѣе могла успокоиться вся необъяснимая природа, нежели утѣх-

внущь ненависть и буйная страсть въ сердцѣ злодѣя. Видя, что землепрясеніе кончилось, губишель опять началъ преслѣдованіе.

»Козаки! — закричалъ онъ — долой съ лошадей; обходи пропасть; лови мошенниковъ!»

— Попробуйте, злодѣи! — кричалъ отчаянный Мичманъ. — Каждый, кто опважится спуститься на гору, заплашитъ за это жизнью!

»Послушайте, Викторъ Ивановичъ! — сказалъ Ивашкинъ. — Вы видѣли, что самъ Богъ предохраняетъ васъ отъ преступленія: не искушайте болѣе его благости!»

— Развѣ вы хотите опять оп-
даться въ руки злодѣя? Для чего же
было и бѣжать намъ?

»Нѣтъ, я не хочу опдаться ему,
но теперь есть средство спасенія
и безъ пролитія крови. Вы видите,
что злодѣямъ не лѣзя иначе напаснѣ
на насъ, какъ только съ этой спо-
роны, между нѣмъ, какъ мы пош-
часъ можемъ достигнуть моря.»

— И чтожъ тогда?

»Возьмемъ байдары, и опдадимся
на произволь Бога: вы уже знаете,
что Марья Алексѣевна умѣетъ ѣз-
дить въ байдарахъ, да и мнѣ не
учишься этому.»

— Ахъ, Викторъ! — вскричала
Марія — не думай болѣе! Рѣшайся:
время дорого!

»Я на все готовъ, и думаю не
о себѣ, а только о своемъ спа-
сеніи«

— Если такъ: то пойдѣмъ скорѣе!
Пусть же поглотитъ насъ море;
по крайней мѣрѣ мы умремъ вмѣстѣ!

»Шевелились проворнѣе, изверги!—
раздался вдали дикой ревъ Начальни-
ка. — Я васъ всѣхъ переморю въ
шюрмѣ, если упустили бунтовщи-
ковъ!«

Но какъ ни ярился злодѣй, и какъ
ни спѣшили его подчиненные, наши

спутники успѣли между тѣмъ достигнуть моря: ибо преслѣдователи не могли прямо сойти на берегъ, по причинѣ почти перпендикулярнаго отвала горы на большое разстояніе, и должны были прежде спуститься на противоположную сторону, и потомъ уже подняться на вершину, гдѣ спасались гонимые. Въ сіе время достигнувъ берега, Викторъ и Ивашкинъ проворно отвязали байдары, о которыхъ нужно было Ивашкину сказать добрымъ Камчадаламъ, припомъ давнишнимъ его знакомымъ, только нѣсколько словъ, обѣщавъ въ послѣдствіи щедрое вознагражденіе и представя опасность своего положенія. Наконецъ байдары были спущены на море; бѣгущіе съли — Викторъ съ Марією, Иваш-

кинъ одинъ; вѣтеръ дулъ съ берега; волны стремились въ море, и легкіе челноки помчались, какъ стрѣла, по пѣнившимся ихъ хребтамъ. Тогда приближалъ на берегъ Начальникъ. »Разбойники! Злодѣи! — закричалъ онъ въ величайшемъ бѣшенствѣ на Камчадаловъ — какъ вы смѣли подать помощь бунтовщикамъ? Всѣхъ васъ перевѣшаю!«

Вслѣдъ за нимъ сбѣжались и козаки.

»Спехивайте байдары — вопилъ Начальникъ — садитесь проворнѣе, гонитесь за мошенниками; ловите, стрѣляйте, если не остановятся; бейте ихъ, топите, губите разбойниковъ!«

Между тѣмъ вѣсперъ, разыгрыва-
ясь болѣе и болѣе, подулъ съ ужас-
ною силою. Валы заходили горами, и
убѣгающіе челноки скрылись во глу-
бинѣ.

— Ха, ха, ха! — раздался въ сіе
мгновеніе дикой хохотъ на обвалив-
шейся горѣ. Изумленная толпа взгля-
нула на верхъ. Тамъ, на высунувшем-
ся изъ обвалу камнѣ, сполла Цыган-
ка, освѣщенная, какъ Фурія, краснымъ
пламенемъ гаснувшей зари, съ развѣ-
вавшимися по вѣпру волосами. — Ха,
ха, ха! — кричала она съ адскою радо-
стію, указывая на исчезнувшіе чел-
ноки. — Поздравляю, злодѣй: ты по-
губилъ своего сына!

— Чшо ты вопишь, злодѣйка? —

вскричалъ Начальникъ, въ половину
разслушавъ крикъ Цыганки, мѣ-
шавшійся съ шумомъ въпра.

»Поздравляю тебя, злодѣй, съ ра-
достью: ты убилъ жену, а теперь
погубилъ сына!»

— Замолчи, Фурія, или я пришибу
твой прокляшый языкъ!

»Бей, но знай: это точно сынъ
твой! Вотъ тебѣ доказательство!
(она бросила узелокъ). Тутъ его ру-
башка, въ которой я его украла у
васъ; тутъ его крестъ, который
ты надѣлъ на него, снявши съ себя;
тутъ его ладонка, въ которой вло-
жена записка собственной твоей ру-
ки о его рожденіи»

Начальникъ схватилъ узелокъ; съ непрерывнѣемъ разорвалъ ладонку, и съ ужасомъ прочиталъ свою записку.

— Злодѣйка! для чего ты не сказала мнѣ это прежде?

«Извергъ! ты погубилъ мою молодость, ты убилъ мою жизнь; я дала клятву опмстить шебъ—и сдержала ее! Теперь веселись, если можешь, сыноубійца? Вонъ твой сынъ! Вонъ погибаетъ въ волнахъ! Вонъ челнокъ опрокинула, и твой сынъ борясь со смертію, проклиная шебъ, мучишель!»

— Фурія! замолчи!—возопилъ обезумѣвшій преступникъ, ударивъ ее изъ ружья.

Пуля просвиспала мимо, и Цыганка съ новою злоспію начала мучить его своею адскою рѣчью; но онъ уже не могъ слушать ее. Бурныя, пляжкія мысли потокомъ хлынули на его душу. »Друзья мои! — кричалъ онъ, не помня самъ себя — спасите меня опъ сыноубійства! Бѣгите, ворошите его, возвратите мнѣ сына!« Въ это время бѣжавшіе челноки опять показались на поверхности валовъ, чуть, чуть чернѣясь въ опдаленности. »Онъ еще живъ! — завопилъ перзающійся грѣшникъ. — Онъ еще живъ! Летите, ворошите его! Горе мнѣ, если я погублю его!«

Нѣсколько козаковъ проворно сѣли

въ оставшіяся байдары и бросились въ море, отважно презирая жизнью и только думая о томъ, какъ бы исполниль волю своего Начальника, сколько онъ ни былъ недостоинъ сего имени. Но чѣмъ они больше спарались догнать бѣгущихъ, тѣмъ болѣе сіи послѣдніе употребляли усилій опъ нихъ удалиться. Буря и ночь, наконецъ, поглотила ихъ, и погибель несчастныхъ совершилась: посланные воропились съ эпой въ-спію.

«Такъ онъ погибъ! — вскричалъ Начальникъ, разодравъ на себѣ одежду. — Сынъ мой погибъ опъ руки моей! . . . И вонъ, вонъ въ облакахъ . . . Видите ли? . . . Это тѣнь жены моей! . . . О какъ взоръ ея

пробиваетъ мою душу и рветъ сердце! Слышите ли, какъ хохочетъ адъ надо мною? (Въ это время былъ слышанъ хохотъ Цыганки). Видите ли, какъ духи злобы спремился на меня? . . . О скорѣе! Разорвите па часни мое плѣо! . . . Разступись земля, и сокрой меня отъ мученій!»

(Закалывается и упадаетъ.)

Лѣто смѣнилось зимою, зима лѣ-
помъ; оплѣшь наспувила зима, и сно-
ва возвратилось лѣто. Боже мой! какъ
удивителенъ, непостижимъ эѣтъ
вѣчный, несоврътнимый ходъ приро-
ды, спирающій, какъ пылъ, на пупи
своемъ жалкія поколѣнія людей. Въ
шеченіе вѣка измираснѣ все жив-
шее при началѣ его, и если иногда
оснаются на лицѣ всей земли два,
при человекѣ, перешагнувшіе за
грань другаго столѣтія; но что
жизнь ихъ? неушолимая скорбь из-
гнанника, блуждающаго въ чуждой

пустынь; безконечный ропотъ стра-
дальца, горюющаго на развалинахъ
роднаго пепелища! Настоящее поко-
лѣніе для нихъ чуждо: одинокая ду-
ша лепилъ въ прошедшее; тщепи-
но силился вызвать отпуда погиб-
шіе лики, и, упомленная, жаждеть
успокоенія въ могиль. Да, спользіе
для цѣлаго поколѣнія людей есть
предѣль непреходимый, и—ужасная
картина! — все младое, все прекрас-
ное, все милое, все дышавшее герой-
ствомъ и славою, все блиставшее
знаніемъ и мудростію, все гордив-
шееся блескомъ величія и могуще-
ства.—всѣ, отъ Царя до послѣдняго
раба его, встрѣтившіе первый день
спользія, лежатъ въ послѣдній рас-
простершыя въ гробахъ, преданные
смерти и тлѣнію! Такова судьба

цѣлыхъ поколѣній, а чѣобы измѣ-
нились одному челоѣку — много
ли надобно? И между пѣмъ при-
рода тешепъ безмолвно и несо-
вѣрнимо, совершая свои роковыя кру-
говращенія!

Такимъ образомъ въ два года, про-
текшіе со времени происшествій
нами описанныхъ, съ лицами, дѣй-
ствующими въ нашей повѣсти, слу-
чилось весьма многое. Самая смертъ
не забыла собрать своей дани.

Три новые креста чернѣлись близъ
одинокого дерева, осѣнявшаго слав-
ную могилу *Клерка* (*). Надъ однимъ
изъ сихъ памятниковъ, рано поуспру,
въ ясный лѣтній день, стоялъ че-

[*] Сопутникъ Кука.

ловѣкъ довольно высокаго роста, крошкой и важной физиономіи, погруженный въ глубокую думу. »Бѣдная Ольга!—сказаль онъ наконецъ, нѣжело вздохнувши — когда я смотрѣль на себя во дни юности, въ то время, когда ты исполненная жизни, была и мила и прекрасна, могъ ли я тогда думать, могла ли вкраснѣе въ умъ мой эта спрашная мысль, что пройдешь нѣсколько лѣтъ — и я буду повирапы швой прахъ заброшенный въ дикую пустыню?
Вошь что сдѣлали съ нами люди!»

Незнакомецъ снова умолкъ. Кажлось, думы его спланивались мрачнѣе и мрачнѣе: ибо черты лица его, постепенно измѣняясь, приняи выраженіе величайшей скорби. По нѣко-

порымъ, отъ времени до времени вырывавшимся словамъ, можно было заключить, что сердце его было исполнено страшнаго ожесточенія противъ людей; но, не смотря на сие, это былъ человекъ самый расположенный ко благу другихъ: свойство, давно подмѣченное въ такъ называемыхъ мизантропахъ. Ревизуя Камчатку (нужно ли объяснять, что это былъ ожидаемый Ревизоръ?), онъ не старался опмичиться предъ Начальствомъ преувеличеніемъ своихъ изысканій въ открытіи злоупотребленій; но, напрошивъ, стараясь смягчить пресупленія виновныхъ, поставилъ Начальство на наслощую точку зрѣнія, съ которой надлежало ихъ разсматривать, какъ слѣдствіе невѣжества и превратныхъ понятій.

Дѣло Тенявы было главное, на которое Ревизоръ обратилъ свое вниманіе. Признаніе Сумкина, показанія козаковъ, слышавшихъ покаяніе Фельдшера, отзывы приказныхъ, бывшихъ свидѣтелями раскаянія дьячка, наконецъ, удостовѣреніе Хапилова были достапочнымъ основаніемъ къ оправданію Мичмана и Пропопопа. Слѣдствіе было представлено въ Иркутскъ, а до разсмотрѣнія онаго и до пріѣзда новаго Начальника, Ревизоръ долженъ былъ управлять Камчаткою. Время управленія его было общимъ праздникомъ сей страны. Наконецъ насталъ день его отъѣзда, и, посѣщая часпо драгоцѣнную для него могилу, онъ пришелъ пролишь на нее послѣднія слезы, и сказать незабвенному праху вѣчное прости.

Размышленія его были прерваны приближеніемъ Хапилова.

—Василій Михайловичъ! — сказалъ сей послѣдній, придя нарочно для того, чтобы помѣшанъ мрачной меланхоліи Ревизора, любившаго часто предаваться мечтанію и поскѣ, разрушавшей видимо его слабое здорье—Василій Михайловичъ! начинается въшеръ съ земли, и Капитанъ спѣшитъ опправляться

»Это вы, Евгенийъ Петровичъ! — отвѣчалъ Ревизоръ, какъ бы проснувшись отъ усыпленія.—А я замечтался здѣсь: прошедшее такъ столпилось къ душѣ, и всѣ минувшія огорченія такъ живо представились уму надъ этою могилою!»

—Что дѣлать? Горести есть общій жребій людей!

»Меня терзаетъ не моя часть: о прошедшемъ бѣдствіи уже съговаривать нечего; но та мысль, что люди, долженствующіе быть агнцами, обратились въ шигровъ! Вошь, передъ нашими глазами, чья могила? Адскій духъ, получившій власть надъ подобными себѣ, могъ ли бы управлять съ большею люпоспійю?»

—Но и злые необходимы въ мірѣ: если бы не было ихъ, мы не знали цѣны добродѣтельному; если бы не было Антона Григорьевича, Камчатка не могла бы чувствовывать въ полной мѣрѣ выгоды добраго управленія, какими пользовалась она во время пребыванія вашего

»Я исполнялъ свой долгъ — и объ этомъ ни слова! Но не лучше ли было бы, если бы всѣ Начальники думали только о выполненіи своихъ обязанностей, о благѣ страны, ввѣренной имъ отъ Престола . . .?»

—Василій Михайловичъ! вамъ извѣстно: я много терпѣлъ отъ Антона Григорьевича, и безукоризненно могу говорить объ немъ все; но я долженъ сказать, что и во время его управленія много было сдѣлано полезнаго: города получили лучшее наружное устройство; исправлены дороги, и тамъ, гдѣ вовсе не возможно было проѣзжать, проложены пуши весьма удобные; въ Присутственныхъ мѣстахъ водворена чистота, порядокъ, устройство

»Я не оуждаю эпого: эпо прек-
расно и необходимо, но главнѣйшее
дѣло всякаго Начальника: благо наро-
да, облегченіе его нуждъ, призрѣніе
сиротъ, защита невинному и нака-
заніе виновному, вообще кропость,
снисходительность, челоуѣколюбіе,
правосудіе«

—Но чтообы все эпо вышолнить,
и не падашь—надобно много имѣшь
силы въ душѣ!

»Антонъ Григорьевичъ имѣлъ ее
довольно; но, къ несчастію, онъ об-
рашилъ ее не на добро. Челоуѣкъ
злой и глупый еще не опасенъ: онъ
легко падаетъ самъ въ яму, приго-
товляемую для другихъ; но умный
и злой! . . . О какъ трудно изб-

раиъ людей для управленія вдали онъ
правительственнаго взора!

»Но теперь жребій Камчатки, сла-
ва Богу! перемѣнился: нынѣшній На-
чальникъ, какъ кажется, человекъ
умный и добродѣтельный . . . «

— Да, Правительство, бдительно
заботящееся о благѣ здѣшней спра-
ны, нарочно избрало его, дабы залече-
нить прежнія раны: онъ давно извѣ-
стенъ своею справедливостію, умомъ
и усердіемъ : . .

»Жаль, что глаза мои не увидятъ
уже благоденствія моей родины!«

— Не жалѣйте: наше опечесство
вся Россія, и благоденствіе самой
Часть IV.

опдаленнѣйшей опть Камчатки области должно васъ столько же занимать, какъ и родины! Въ Иркутскѣ вамъ принадлежишь лучшее поприще, и съ вашимъ умомъ и честностію, я надѣюсь, вы проложише себѣ прекрасную дорогу Однако жъ мы заговорились; вѣсперъ крѣпчаешъ, и въ самомъ дѣлѣ намъ пора отпрапляшьяся Чшо же наши спутники? Ивашкинъ не ѣдешь?

»Нѣтъ! Онъ ужъ свыкъся съ Камчаткою, и не хочешъ ее оставишь. Въ первыя минушы, говоряшь, по объявленіи ему прощенія, онъ порывался было мыслями на родину; но потомъ сказалъ самъ себѣ: »что я мыслю, безумный? Для чего мнѣ возвращашьяся туда? Чшо бы видѣль

могилы моихъ друзей и родныхъ? Печальное утѣшеніе! Нѣтъ, время уже прошло, и теперь, гдѣ ни лягушъ мои кости, все равно!« . Послѣ этого онъ твердо рѣшился остаться здѣсь, и опровергнулъ всѣ убѣжденія Виктора Ивановича и Марьи Алексѣевны.

— А правда ли, что они берутъ съ собою безумнаго дьячка?

»Они это дѣлаютъ изъ сожалѣнія къ нему. Когда онъ былъ и въ своемъ умѣ, и тогда былъ человекъ совершенно пропащій, а теперь, помѣшавшись, долженъ здѣсь погибнуть съ голода. . . .«

— Вотъ слѣдствіе пустаго му-

дрованія! Толкуя о вещахъ, непосши-
жимыхъ для разума, человекъ можетъ
попасть только на двѣ дороги: или
сойти съ ума, какъ Шайдуровъ; или
подвергнуть сомнѣнію и попрашь все
священное О какое было бы
счастіе, если бы наше опечесство,
принимая просвѣщеніе опъ Запада,
могло отдѣляшь для себя одно поль-
ко полезное и не допускашь на Рус-
скую землю этого проклятаго воль-
нодумства!

»По моему мнѣнію: вольнодум-
ство есть то же, что злодѣяніе . . . «

—И одно изъ величайшихъ! Граби-
шель, разбойникъ, убійца наносишь
вредъ частный, причиняешь зло од-
ному или только нѣсколькимъ ли-

цямъ, а вольнодумецъ, подкапывая
основаніе Вѣры и Престола, погу-
бляетъ цѣлое Царство. И между
тѣмъ

»Часто наслаждаешься и славою,
и честию, всѣми выгодами жизни,
какъ, напримѣръ, какойнибудь Воль-
перъ?

—А разбойникъ, бѣжитъ въ лѣса,
и влача жизнь въ нищету, въ бѣдст-
віи, въ страхѣ, погибаетъ, наконецъ,
на эшафотѣ, или гибнетъ безъ въ-
сти, подобно Цыганкѣ!

Въ сіе время показались вдали Вик-
торъ и Марія, шедшіе также на
кладбище. На лицахъ ихъ была напи-
сана печаль, но не скорбь: ибо жре-

Бій ихъ перемѣнился, а къ упрасѣ, понесенной ими, сердца ихъ уже начали привыкать. Мичманъ остано-вился при могилахъ отца и матери; Марія подошла къ гробу: тушь лежалъ ея дѣдъ.

— Марія! — сказалъ Мичманъ, смотря на лившіяся изъ глазъ ея слезы — ты оплакиваешь того, кто провелъ жизнь добродѣтельно; умеръ, какъ Христіанинъ на рукахъ своихъ, и кого въ вѣчности ожидаетъ блаженство Праведныхъ, а я? . . . Вообрази, какъ должно раздираться мое сердце, когда я смотрю на эту могилу! . . . О Боже мой! Это былъ мой отецъ, несчастный отецъ . . . убійца моей матери!

»Викпоръ! Божіе милосердіе неизмѣримо: ты знаешь, что разбойникъ, умершій на крестѣ . . .«

Викпоръ не отвѣчалъ ни слова. Онъ не плакалъ; но сердце его было смѣснено ужасно.

— Успокойся, Викторъ: если нашъ отецъ былъ болѣе виновенъ предъ кѣмъ, то предъ нашею матерью, а эпосъ Ангель, вѣрно, простилъ его, и, можешь быть, у Престола Всевышняго молишь самъ о спасеніи его души . . .

»О другъ мой! — воскликнулъ Мичманъ, прижавъ Марію къ своей груди — какъ ты умѣешь облегчать мое сердце! . . . Да, мать моя была

Ангель на земли, и она точно простила ему Прости, прости ему — повпоряль Викпорь, залившись слезами и ставъ на колѣна надъ могилою Начальницы — прости ему, о небесный духъ моей машери!»

Раздался пушечный выстрѣлъ: это былъ сигналъ съ корабля, гоповлящагося къ выходу изъ гавани. Мичманъ оперь слезы, и поднявъ руку къ небу, сказалъ съ глубочайшимъ чувствомъ: »Тамъ увидимся!»

Въ сіе время Ревизоръ и Хапиловъ, скрывшіеся за деревьями, дабы не мѣшашь изліянію чувствованій Виктора и Марин, услышавъ выстрѣлъ, также вышли изъ лѣсу и вмѣстѣ съ ними пошли къ гавани. На берегу

споялъ Ивашкинъ, съ глубокою печалію смотря на приготавливающійся корабль. Мичманъ и Марія кинулись въ его объятія, и залились слезами. Старикъ самъ плакалъ, какъ ребенокъ, но былъ непреклоненъ къ ихъ убѣжденіямъ.

»Аркадій Петровичъ! — говорилъ Мичманъ — мы вамъ веѣмъ обязаны: вы освободили насъ изъ темницы, дали средство спасшсь отъ гоненій и были нашимъ Ангеломъ хранителемъ во все время нашего странствованія: безъ вашей опытной помощи, безъ вашего знакомства съ дикими обитателями Анадыра, занесенные бурю на его бесплодный и дикой берегъ, какъ бы мы могли спасшсь отъ неизбѣжной гибели? Словомъ на-

ша жизнь, наше счастье—все ваше, и чѣмъ же мы вознаградимъ васъ за это? Убѣдитесь нашими слезами! Вы заступите намъ мѣсто нашихъ родителей; мы употребимъ всѣ усилія, всѣ средства, все достояніе, чшобы успокоить вашу старость, чшобы усладить послѣдніе дни вашей жизни»

»Согласитесь — присовокупила Марія, почши рыдая — пожалуй-ста согласитесь, Аркадій Петровичъ! У васъ здѣсь нѣтъ никого: мы замѣнимъ вамъ родныхъ друзей; мы будемъ вашими дѣтьми, самыми нѣжными дѣтьми»

— Полноте, перестаньте дѣши мои! — говорилъ шарикъ, задыхаясь

ошъ слезъ. — Ъхашъ съ вами мнѣ уже не лъзя: эта пора прошла давно, и шемница моя сроднилась со мною; и шакъ не опягчайте моей разлуки съ вами: вы видипте я самъ плачу, какъ дитя!

Еще раздался сигналъ съ корабля. Ивашкинъ вырвался изъ объятий Виктора и Маріи, и пошелъ скорыми шагами по берегу, съ намѣреніемъ взобратъся на прибрежный холмъ, съ Восточной спороны. Между тѣмъ корабль, распусшивъ паруса вышупилъ изъ Петропавловской гавани, и разсѣкая волны быстро повесся по пропяженію губы Авачинской. Викторъ и Марія, стоя на палубѣ не сводили глазъ съ роковаго холма, гдѣ споялъ старецъ, под-

першійся на посохъ и освѣщенный
утреннимъ солнцемъ. Нѣсколько разъ
они махали платкомъ; шарикъ оп-
вѣчалъ наклоненіемъ головы. Но
холмъ все болѣе и болѣе понулъ въ
опдаленности; фигура споявшаго на
немъ челоуѣка, перяясь поспешенно,
едва уже сохраняла свое очерпаніе;
попомъ слилась въ одну черную поч-
ку; наконецъ совершенно смѣшалась
съ синевою воздуха, и — исчезла на
всегда! Не такъ ли исчезаетъ и па-
мять людей во глубинѣ времени?

К О Н Е Ц Ъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

	<i>Стр.</i>
XXIII. Покаяніе	3
XXIV. Примиреніе	39
XXV. Вѣнчаніе	67
XXVI. Побѣгъ	98
XXVII. Погибель	129
Заключеніе	159

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

ВЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай.</i>
12	7	сверху. обезчещень,	обсзещень,
23	9	— всѣму	всему
27	8	— замѣдлнть.	замедлнть
34	3	— человѣческія;	человѣческіе;
43	10	— лучь	лучъ
49	1	спизу начавшемуся	къ начавшемуся
85	3	сверху заспрѣлють	заспрѣлнть
100	4	— свѣшу	свѣта
138	6	— ни	не
159	7	— людей.	людей!
166	13	— не знали	не знали бы
—	3	сверху часны	участъ:

* Inmitten der Welt. In dem die
die Welt sich ganz bewegt

